SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта работа была написана в ноябре 2006 года, по разным причинам, я печатать ее не стал, материалу к ней на самом деле, больше, доказательная база шире, и надо было писать книгу, а мне было некогда. Некогда и сейчас. Обойдемся и просто научной работой. Прежде всего, я должен предупредить читателя, что перед ним не записки пушкиниста-любителя, не записки пушкиниста-профессионала, это наблюдения драматурга, перед которым стояла задача расставить действующих лиц этой истории в правильных позициях. Исследователь-пушкинист..выдвигает свою версию и все силы бросает на ее доказательство, он отвечает на вопрос, что произошло, но часто не затрудняет себя вопросом: «Как это произошло?». Для него это «как?» не важно, а для драматурга, который облекает историю в ситуации и диалоги, «как?» становится первостепенным. Замечание второе: никто и никогда не будет знать всей правды той осени и зимы, ставших последними для Пушкина...Я изучил этих версий множество, от вполне стройных до шизофренического бреда. Я долго не мог решить для себя, как именно развивалась дуэльная история, буквально выучив все известные факты и детали наизусть, но что-то мешало мне, так и слышался голос Станиславского, который нашептывал в уши: не верю! Профессионалы и дилетанты пушкиноведения натоптали, как мыши, дорожки, с которых никогда не сворачивали, они не замечали очевидное, что находилось у них перед глазами Автор

- Известный аноним
  - АЗЫ КОКЕТСТВА, или право первой ночи
  - ПРИНЦ РОГОНОСЦЕВ
  - ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ
  - ИСТОРИОГРАФ ОРДЕНА РОГОНОСЦЕВ
  - ЧЕЛОВЕЧЕК-МАШИНКА
  - КАРТЕЛЬ
  - ЗОРОВАВЕЛЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

Известный аноним

АЗЫ КОКЕТСТВА, или право первой ночи

Прежде всего, я должен предупредить читателя, что перед ним не записки пушкиниста — любителя, не записки пушкиниста — профессионала, это наблюдения драматурга, перед которым стояла задача расставить действующих лиц этой истории в правильных позициях. Исследователь — пушкинист, впрочем, также как и любитель, только с другой степенью подготовки, выдвигает свою версию и все силы бросает на ее доказательство, он отвечает на вопрос, что произошло, но часто не затрудняет себя вопросом: «Как это произошло?». Для него это «как?» не важно, а для драматурга, который облекает историю в ситуации и диалоги, «как?» становится первостепенным.

Замечание второе: никто и никогда не будет знать всей правды той осени и зимы, ставших последними для Пушкина. Все догадки и версии построены на косвенных доказательствах. Я изучил этих версий множество, от вполне стройных до шизофренического бреда[1], и могу поручиться, что даже в самых стройных и выверенных построениях есть свои психологические и логические неувязки, и серьезные противоречия, а то и фальшивые натяжки и стыдливые умолчания. Все версии строятся на воспоминаниях и письмах современников, но невозможно зачастую знать, когда человек говорит правду и говорит ли он ее вообще, забыл он что — то или перепутал, сознательно или бессознательно. Одно и то же вранье может иметь разную психологическую мотивацию. Женщина может признаться в своей измене и сказать правду, также как и признаться в том же самом и соврать, только для того, чтобы больнее ранить мужа. Чем дальше мы отходим от той истории, тем труднее людям понять психологические мотивировки каждого поступка. Возможно, вышеизложенное в этом пункте относится и к автору. Повторю: правды нам не узнать никогда и, может быть, слава Богу.

И третье: не было за все время прошедшей истории политической группы (партии), которая бы не присваивала себе Пушкина. Еще во времена Пушкина свет и общество делились на «партии». Партийность изобрели не большевики. Пушкин не был партийным, он часто играл по своим правилам, часто говорил то, что думал, а писал то, что думал, еще чаще. Но далеко не всегда. И автор, в свою очередь, хочет заявить, что всегда был только «вольным стрелком», а потому не собирается лить воду ни на чью мельницу.

Автор относится к своим героям, как для некоторых это не кощунственно звучит, только как к персонажам. Относиться к фигурантам этой истории не как к персонажам, а как к живым людям, значит брать на себя ответственность, которую никто, кроме Господа Бога, на себя взять не может. Что важно драматургу, чтобы история была как можно достоверней и драматичней? Прежде всего, вера в поступки персонажей, как бы они парадоксальны не казались. Я долго не мог решить для себя, как именно развивалась дуэльная история, буквально выучив все известные факты и детали наизусть, но что — то мешало мне, так и слышался голос Станиславского, который нашептывал в уши: не верю! Профессионалы и дилетанты пушкиноведения натоптали, как мыши, дорожки, с которых никогда не сворачивали, они не замечали очевидное, что находилось у них перед глазами, они переписывали друг у друга факты, казавшиеся им непреложными, а потом усиленно интерпретировали их. Если кто — то ранее по поводу чего — либо не сказал ни слова, то уже и остальные никогда не говорили, потому со времени больших пушкинистов — историков: Модзалевского, Гершензона, Цявловского, наука все мельчала и мельчала, и взгляд на события становился все уже и уже.

Самой неожиданной и убийственно верной в посыле, а не во всей концепции, оказалась для меня недавняя версия академика Н. Я. Петракова (отнюдь не пушкиниста, а экономиста), кто желал бы подробней ознакомиться с ней я отсылаю к его книге: — она еще встречается в книжных магазинах.[2].

В кратком изложении она такова. Пушкин сам послал анонимные письма, чтобы взорвать невыносимую для него ситуацию, сложившуюся к осени 1836 года. По версии Петракова, царем, Бенкендорфом и великосветской камарильей велась гнусная интрига против поэта, был составлен «заговор» против него и Пушкин решил ответить контрударом. Не буду пересказывать все явные нелепости этой выдуманной интриги вроде той, что Дантес был завербован III-им отделением и выполнял непосредственные указания графа Бенкендорфа, а вместе с ним под его указку плясал и голландский посол Геккерн. Царь был истинным любовником Натальи, а Дантеса выставили для прикрытия царских утех. Теории заговоров среди большевистских литературоведов и воспитанных ими дилетантов, поменявших царя — батюшку с Бенкендорфом на мировую закулису и жидомасонов, перестали вызывать во мне отвращение с тех пор, как стали, в силу общественных перемен, не так общественно опасны. «Заговор» же против литератора Пушкина, практически частного лица, который не был ни государственным

деятелем, ни сколько — нибудь значительным властителем дум, опасным для строя, вообще представляется смешным. Если Пушкин кому — то мешал, а тем более царю с Бенкендорфом, что стоило его отпустить с Богом в деревню и повелеть иметь за ним негласный надзор. В версии Петракова этого сделать никто не хотел, потому что тогда бы с мужем уехала и супруга. Вероятно, он прав. Главный, но не единственный вопрос, по которому мы расходимся с Петраковым, была ли Натали любовницей Николая или нет. Пушкин был уверен, что нет, я, следуя за Пушкиным, с неуверенностью думаю то же самое.[3]. Но если, по другой версии, сочинитель мешал жидомасонам, естественно, им оставалось его только убить. Ведь они кровожадны, им мало крови младенцев, подавай кровь поэта. Только за что, ведь они его никогда не читали.

На самом деле, Пушкина волновало только «мнение света» — это и был единственный заговор, который существовал. «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?» (Грибоедов), «Чего ж вам больше? Свет решил, что он умен и очень мил» (Пушкин). Мнение света — это приговор, если хотите. Пушкин этого приговора опасался, потому что в свет всегда стремился, хотел там быть своим, мнением высшего света дорожил.

«Между тем Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую — то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственною улыбкою выслушивали его шутки, остроты», — писал его лицейский друг, декабрист И. И. Пущин про молодого Пушкина.[4]. «Пушкин измельчал не в разврате, а в салоне», — вторил ему уже после смерти поэта А. С. Хомяков, славянофил, сам в гостиных тараторившийся по — французски, а философские сочинения писавший на английском с безупречной немецкой логикой.[5]. «В сущности, Пушкин был до крайности несчастлив, и главное его несчастие заключалось в том, что он жил в Петербурге и жил светской жизнью, его убившей. Пушкин находился в среде, над которой не мог чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку, и по значению в этой аристократической сфере: к которой он имел, как я сказал выше, какое — то непостижимое пристрастие», — это уже мнение графа В. А. Соллогуба, принадлежавшего к самому избранному обществу по рождению.[6].

Изложу свою версию, серьезно отличающуюся от версии Н. Я. Петракова, но совпадающую с ним в главном — анонимный

диплом рогоносца, в котором содержался намек по царской линии, написал и послал себе и своим ближайшим друзьям сам Пушкин. Это была литературная мистификация, которую он вплел в свою реальную жизнь, она и стала причиной трагического финала. В своей статье я буду невольно повторять некоторые доказательства Н. Я. Петракова, но каждый раз со своими добавлениями, возникнут и принципиально новые доказательства, не замеченные Петраковым. Все мы работаем в пределах одних и тех же слов, когда — то произнесенных или написанных, и почти все мотивы, все варианты версий возникли уже в первом серьезном исследовании П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Историк Щеголев часто делал предположение и отступал, уходя другою дорогой.

Итак, зачем Пушкину понадобилось писать самому себе анонимные письма, содержащие намеки на царя?

Придется начать издалека. История ухаживания царя за Натальей Пушкиной начиналась за несколько лет до последней осени.

Еще в 1831 году, когда молодые супруги Пушкины поселились в Царском Селе, Наталья Николаевна познакомилась с царской четой; Пушкин лично познакомился с царем раньше, на аудиенции 8 сентября 1826 года, которую ему дал в Кремле Николай I, вызвав его с фельдъегерем из ссылки.

Император, что явствует из письма А. Х. Бенкендорфа Пушкину от 28 апреля 1830 г.[7], заметил красавицу Натали Гончарову еще в Москве, когда она была на выданье, начал ухаживать за ней уже в Петербурге, пик ее кокетства с царем пришелся на 1833–1834 г. г., но это не значит, что потом Николай Павлович оставил свои попытки покорить ее воображение, а она вовсе прекратила кокетничать и нашла нужный тон в общении с императором. Я думаю, что основная причина, почему Натали уничтожила свои письма к Пушкину (а я в этом уверен), была в том, что в них содержались многочисленные намеки на флирт с царем, которые впоследствии, когда она столь была облагодетельствована Николаем Павловичем, могли быть истолкованы превратно и с ее стороны само сохранение этих писем явилось бы черной неблагодарностью по отношению к монарху.[8].

Летом 1833 года, получив отпуск на четыре месяца, Пушкин уехал из Петербурга. Он посетил Казань, Оренбург, Симбирск, Уральск и приехал в имение Болдино 1 сентября. Наталья Николаевна оставалась одна в Петербурге. Супруги вели интенсивную переписку, Пушкина беспокоило поведение Натали.

11 октября он писал ей:

«Не мешай мне, не стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с ц.<арем>, ни с женихом княжны Любы».[9].

В нескольких словах вся подноготная опасной игры, которую ведет его жена и в которой участвуют еще трое. Надо заметить, что все четверо были красивы: про Николая I общеизвестно, что это был самый красивый государь в Европе, Натали Пушкина — первая романтическая красавица России, княжна Хилкова, фрейлина императрицы, обворожительна и холодна, ее прозвали «льдинкой Зимнего дворца», С. Д. Безобразов — признанный «Аполлон Бельведерский», покоритель женских сердец.

А пока Пушкин в предыдущем письме написал:

«Безобразов умно делает, что женится на княжне Хилковой. Давно бы так. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой век за чужими женами и выдавать за свои стихи чужие». [10].

Ясно, что и сам Пушкин не догадывается, чем кончится этот брак, но так же ясно, что ухаживания государя за Хилковой ему известны и Пушкину понятно, что его жена, желая возбудить ревность Николая Павловича, кокетничает с Безобразовым, который в свою очередь жених государевой пассии, — перед нами «азы» кокетства. Впрочем, про связь княжны Хилковой с государем вряд ли кто — нибудь знал доподлинно. В свете могли только гадать и шептаться. Не знал и жених. Свадьба флигель — адъютанта С. Д. Безобразова с княжной Хилковой состоялась в ноябре 1833 г. и сразу поползли слухи. 23 ноября государь срочно выехал в Москву, где состоялась дуэль между двумя генералами, князем С. А. Хилковым, братом княжны Любы, и Каблуковым.[11]. 24 ноября Пушкин пишет в дневнике, что «государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь». Это фраза в первой же записи вновь начатого дневника никак не комментируется современными пушкинистами. Хотя непротокольный отъезд государя — событие из ряда вон выходящее. Пушкин писал дневник в один столбец слева на листе, оставляя рядом пустой столбец для расшифровки и последующих дополнений, которые так никогда и не сделал. О причинах дуэли ничего неизвестно, но совершенно понятно, что князь Хилков защищал честь сестры. 1 января 1834 года Пушкин записал в свой дневник: «Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. — Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего — нибудь подобного. Государь сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с

ума».

Эта запись в дневнике следует непосредственно за записью о его камер — юнкерстве: «Третьего дня я пожалован в камер — юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, что Н. Н. танцевала в Аничкове». [12].

Не история ли с Безобразовыми явилась толчком к его пожалованию? То и другое — «третьего дня». Посмотрев на бесчинства Безобразова, царь делает свои ухаживания за женой поэта легитимными, приближая, как ему кажется, самого Пушкина ко двору.

Кстати, некоторые исследователи отмечали «шифрованную форму» дневника. Основной прием шифра Пушкина — двойной план записей: «непосредственно за одной записью дать другую, внешне не связанную с первой, но по существу являющуюся ее расшифровкой»[13]. Если так, то Пушкин размышляет о своем положении рогоносца при дворе. «Так я же сделаюсь русским Dangeau», — с некоторой угрозой добавляет он. Он с горечью отмечает сходство своей судьбы с участью придворного рогоносца маркиза Данжо, приближенного Людовика XIV, автора мемуаров, смакующего в них подробности частной жизни короля и его двора. Дневник — полигон для будущих мемуаров, повестей, романов.

Забежим вперед и завершим один из романов с участием флигель — адъютанта Безобразова и его жены. Его выслали на Кавказ, жена уехала к брату в Москву и облачилась в черное, словно надела траур; брат ее, князь С. А. Хилков, командир 4-го пехотного корпуса, написал, как говорили, гневное письмо Николаю I (!) и попал в опалу. На самом деле, как мы знаем, он дрался на дуэли, и сам царь вмешался в конфликт. Через некоторое время супруги Безобразовы примирились, Безобразов «поумнел» и сделал вскоре блестящую карьеру, став последовательно командиром знаменитого 44-го Нижегородского драгунского на Кавказе, потом лейб — гвардии Уланского, и, наконец, Кавалергардского Ее Величества полков. С женой они жили счастливо до самой смерти. Так же, как впоследствии и Наталья Николаевна с П. П. Ланским (их историю читайте дальше). Нынешние комментаторы пишут, что Безобразов подозревал свою жену в связи с Николаем I, ничего себе подозрения! Знать точно, что до венца уже кто — то сорвал все цветы (дефлорировал его невесту) и этот кто — то может быть только государем. В свете говорили, что Николай I, перед их свадьбой попросту воспользовался «правом первой ночи».

А между тем мы отвлеклись. 30 октября 1833 года Пушкин писал из Болдина жене:

«…Я хочу немного тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковьи Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что — де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут».[14].

Такова лексика в письме, можно только предположить насколько в устной речи Пушкин был резче в выражениях и поступках.

Через несколько дней он извиняется, что письмо его было немного жестко. «Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения». Но далее не удерживается и начинает снова: «Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнию мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc., etc. — не говоря об cocuage (положении рогоносца), о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме».[15].

Аббат де Брантом (1540–1614) — это автор «Галантных дам», увлекательного повествования о нравах современного ему высшего общества. Первая глава же глава диссертации называется «Рассуждение первое. О дамах, что занимаются любовью, и об их рогатых мужьях». Значительная часть этой главы посвящена изменам с королями и принцами. «Слыхивал я историю о том, как король Франциск пожелал однажды овладеть дамою, в которую был влюблен. Однако, пришед к ней, наткнулся на мужа со шпагою в руке, готового прикончить жену; король приставил ему к горлу свою шпагу и пригрозил убить тотчас здесь же либо обезглавить на плахе, ежели тот посягнет на жизнь дамы или учинит ей хоть малейшее неудовольствие; после чего выгнал его вон из дому, а сам занял место в супружеской постели.

Этой даме повезло найти столь могущественного и горячего защитника своей утробы: с той поры муж ее не осмелился и пикнуть, предоставив жене полную свободу.

Мне известно, что не только одна эта дама, но и многие другие удостоились такого же покровительства короля. Бывают люди, что с оружием в руках защищают свои земли, а для верности вешают на двери домов королевский герб; вот так же поступают и эти женщины, защищая королевским именем двери в свой рай и тем добиваясь покорности от мужей…»[16].

Так впервые возникает у Пушкина мотив рогоносца и царя, который станет навязчиво преследовать его в жизни и творчестве в дальнейшем. Заметьте, нет пока ни светской молвы, есть только легкое кокетство жены, в котором она сама с такой же легкостью признается. «Не мешай мне, не стращай меня! Побереги же ты меня!»

ПРИНЦ РОГОНОСЦЕВ

Осенью 1833 года супруга начальника Пушкина, графа Нессельроде, Мария Дмитриевна, увозит Натали Пушкину в Аничков дворец на интимный вечер к государю. Узнав об этом, Пушкин бросается к графине и устраивает ей скандал. По его мнению, жена не должна бывать там, где не бывает муж. Графиня Мария Дмитриевна, очень влиятельная в Петербурге дама, сообщает об этом скандале мужу, графу Нессельроде, министру иностранных дел, тот — царю. «Что ж, — улыбается Николай I, — этот вопрос легко решить».

Под Новый 1834 год, как мы уже знаем, высочайшим указом Пушкин пожалован камер — юнкером. Узнает он об этом на балу, и приходит в бешенство, кричит, что для него унизительно быть среди восемнадцатилетних мальчишек, его уводят в кабинет хозяина, вокруг него собираются друзья: Жуковский, Константин Данзас, приехавший в отпуск по ранению; брат Лев. Кажется, это было на балу у А. Ф. Орлова. В буквальном смысле слова, чтобы Пушкин не задохнулся от бешенства, его поливают водой. Он хочет идти во дворец и наговорить грубостей самому царю, но Жуковскому удается предотвратить скандал.[17].

Такова первая реакция. После легкое пренебрежение:

«1 января 1834 г. Меня спрашивали, доволен ли я своим камер — юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер — пажи, только бы не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике. 7 января. Великий князь намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».[18].

Через месяц эта шутка уже гуляла по Москве, ее пересказывает в своем письме П. В. Киреевский. Великий князь в этом письме обозначен как НЕКТО.[19]. Упоминать кого — либо из императорской фамилии даже в частной переписке было невозможно, даже для посвящения стихов члену императорской фамилии требовалось высочайшее согласие.

Потом сам Пушкин находит нужный тон, чтобы «принять» свое нежданное камер — юнкерство.

«17 января. Бал у графа Бобринского один из самых блистательных. — Государь мне о моем камер — юнкерстве не говорил, а я не благодарил его».[20].

«Мне не камер — юнкерство дорого, — говорил он впоследствии Нащокину, — дорого то, что на всех балах один

царь да я ходим в сапогах, тогда как старики вельможи в лентах и в мундирах». Пушкину действительно позволялось являться на балы в простом фраке, что, конечно, оскорбляло придворную знать».[21].

Мундир у Пушкина безусловно был. Перед Нащокиным он бахвалился, потому что единственно кого считал себе равным, так это государя. «Один царь да я!» Молчит один, молчит и другой, и оба понимают, о чем молчат. Царь да я. Отдает хлестаковщиной.

В действительно всё выглядит несколько иначе. На одном из праздников его видит граф Соллогуб: Пушкин едет, понурившись, в придворной линейке, среди молодых камер — юнкеров (на линейке сидели спина к спине на двух длинных скамьях, их еще называли «диваны на колесах»). На нем потертая альмавива (модный в то время испанский плащ) поверх камер — юнкерского мундира с золотыми галунами, из — под плаща торчат коленки в панталонах; скорбное и суровое лицо под треугольной шляпой. Публика с любопытством разглядывает его среди начинающих царедворцев, как обезьяну в цирке.

Из письма С. Н. Карамзиной от 20 января 1834 года:

«Пушкин крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер — юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торжественною красотою жены…».[22].

Тем временем, Наталья Николаевна, переплясав на балах, выкидывает. А в свете распространяются тут же слухи, что она выкинула после побоев мужа. Еще свеж пример Безобразова. Значит, по мнению света, у него есть повод для ревности. Кто же объект этой ревности? Догадаться не трудно, Дантес еще не появился в обществе, не занял в нем места. Мальчики, вроде Огарева, не в счет. Слухи провоцируют мужа, но он на провокацию не поддается. Он верит жене, но на всякий случай отправляет ее с двумя детьми в Полотняный завод. Это фактически ссылка, подальше от Аничкова дворца.

Вскоре Пушкин узнает, что по рукам в обществе ходит какое — то его письмо к жене. Жуковский предупреждает его, что царь недоволен его высказываниями о царях. Пушкин возмущен: «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене, и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному) и царь не стыдится в том признаться».[23]. Какой же он благовоспитанный, если не стыдится? Пушкин решает подать прошение об отставке, с тем, чтобы уехать с семьей в имение. Однако он просит, чтобы ему разрешили работать в архивах, как прежде. Царь возмущен неблагодарностью Пушкина. Жуковский

узнает об этом от самого царя, а не от Пушкина. Он растерянно спрашивает монарха, а нельзя все это как — нибудь поправить. «Почему же нельзя, — отвечает тот. — Пускай возьмет обратно свое письмо. Я никого не держу и держать не буду. Но если он все — таки возьмет отставку, то между ним и мною всё кончено».

Жуковский впервые говорит с Пушкиным довольно грубо, называя его глупцом, которому место в желтом доме, которого надо высечь, чтобы привести кровь в движение и выгнать желчь.

«Найди, как выразить что — нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к нашему государю!», — искренне советует он.

Пушкин униженно берет отставку обратно, предпочитая, по его словам, выглядеть лучше легкомысленным, чем неблагодарным.

«Я его прощаю, но позовите его, — говорит царь Бенкендорфу, когда тот делает очередной доклад, — чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем это может для него кончиться. То, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства»[24].

3 августа 1834 года Пушкин пишет жене в Полотняный Завод:

«На днях встретил я мадам Жорж. Она остановилась со мной на улице и спрашивала о твоем здоровье, я сказал, что еду к тебе, чтобы сделать тебе ребенка. Она стала приседать, повторяя: «Ах, мосье, вы доставите мне большое удовольствие!»[25].

Постоянная беременность жены (или брюхатость, как любил говорить сам Пушкин) была средством отдалить ее от балов и, таким образом, от соблазнов. Он заехал на две недели, сделал ребенка и проскочил в Болдино, где ему всегда хорошо писалось.

20 сентября 1834 г. в 10 часов 53 минуты в Болдине Пушкин заканчивает свою последнюю сказку, «Сказку о золотом петушке». Нам совершенно не важно, какая из новелл, «Легенда об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга или «История о золотом петухе» забытого немецкого литератора Ф. М. Клингера, жившего в России, легла в ее основу. Пушкинисты предпочитают первую версию, поскольку она принадлежит Анне Ахматовой. Я — вторую, которую выдвинул академик М. П. Алексеев, полиглот, феноменальный знаток мировой культуры, не исключая, что и новелла Ирвинга наслоилась на сказку Клингера. Фридриха Максимилиана Клингера, или, Федора Ивановича, как его стали звать в России, бывшего библиотекаря Павла I, знали лично многие старшие друзья Пушкина. Письмо Клингера Гёте передал в 1824 году посетивший великого немецкого поэта В. К. Кюхельбекер, и есть основания полагать, что Пушкин чуть

ли не с лицейских времен был знаком с «Историей о золотом петухе», тем более что прямых аналогий пушкинскому золотому петушку не нашли ни русском фольклоре, ни в каком — либо другом. Нам же главное знать, что в той сказке речь идет о принце всех рогоносцев, который скрывался под личиной петуха. «Петух был самой красивой в мире птицей, — говорится у Клингера, — перья его были золотые, гребешок красный, лапки маленькие, пепельно — серебряные. Он не принимал никакой пищи, погруженный в свои грустные философские мысли и любовные мечтания, но все же он пел в привычное время как обычный петух. Лишь один недостаток уродовал миловидную птичку, к огорчению всех, кто ее видел. Противное перо мышиного цвета спускалось с гребешка на самый клюв, подобно бараньему рогу; оно было огромного размера; с трудом можно было разглядеть петуха. Оно покрывало всю птицу и сжимало всю его голову. Было заметно, что в его глазах отражалась вся скорбь мрачной меланхолии».[26].

Не знаю, как вам, а мне этот образ петуха сильно кого — то напоминает, особенно в последние его годы жизни. Золотые перья, как золотой шутовской кафтан — мундир камер — юнкера. «Что ты один здесь философствуешь?» — спросил Пушкина великий князь Михаил Павлович, встретив как — то поэта на прогулке.[27]. Как только Пушкин оказывался вдали от жены, так вся скорбь мрачной меланхолии наваливалась на него и в 1834 г. изрядной порцией черного юмора своего «Золотого петушка» он пытался излечиться. В его сказке гибнут все: и царские сыновья, сразив друг друга, и колдун, убитый царем, и сам царь, укокошенный петушком, а виной тому чары шамаханской царицы. Пушкин смеется, ему пока легко смеяться, потому что Натали в Полотняном Заводе. Кстати, цензор А. В. Никитенко запретил печатать следующие стихи сказки: «Царствуй, лежа на боку» и «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Пушкин отметил это в своем дневнике, эти слова были последней его записью: «Никитенко глупее Бирукова». Да, видно, Никитенко был не так уж глуп. Все — таки царя убили, какой можно извлечь из этого урок?[28].

По опубликованным письмам Дантеса к своему покровителю и будущему приемному отцу барону Геккерну, мы теперь знаем, что с января 1836 года начинаются навязчивые ухаживания Дантеса за Натали. Я не буду подробно цитировать эти письма, за последнее время они много раз публиковались.[29]. Н. Я. Петраков правильно замечает, что совсем не кавалергард волнует в это время Пушкина.

Пушкин написал невесте и жене 78 писем, больше только

князю Вяземскому за всю жизнь. Всегда он обращался к жене: «Женка, душа моя, мой ангел!». И лишь один раз, по приезде в Москву 4 мая 1836 года, он обращается к ней: «царица моя». Шамаханская царица сидит в голове, вокруг нее все вертится.

Уже 6 мая в следующем письме он пишет в Петербург:

«И про тебя, душа моя, идут кой — какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого — то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостию, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц».[30].

Письмо шутливое, но у шуток его горький привкус. Кто — то — это государь, который в это время в Москве и навещает за кулисами актрис. Пушкин же пошучивает, потому что Натали сидит дома, не выезжает по причине скорых родов.

Зимою Пушкин наблюдал за развивавшимся романом Натали с Дантесом, не вмешиваясь. Красавец — кавалергард был ему не страшен. Он знал, что Натали устоит. Если бы он хотел вызвать Дантеса и посчитал себя оскорбленным его ухаживаниями, достаточно было всего лишь намека, неосторожного слова кавалергарда, чтобы вызвать его к барьеру. Но мрачное настроение Пушкина, его бешенство, неожиданно прорывавшаяся злоба, как мы понимаем, имели другие корни. Огромные долги, привязанность ко двору, зависимость от царя и навязчивые ухаживания монарха за его женой нарушали его душевный покой. Пока на балах Натали танцевала с царем, он давился мороженым в соседней зале. Не будучи спокойным, он не мог писать, а значит, зарабатывать. Смятенная душа его искала выход. Отставка, отпуск? Не в отставку, не в длительный отпуск его не пустили. Дайте денег взаймы. Много денег взаймы не дали. Выходом могла быть только дуэль, разом разрешавшая все проблемы: как минимум он будет отставлен от двора, если что, отсидит недолго в крепости и сможет уехать в имение, о чем мечтал в последние годы. Ему был нужен факт дуэли. Он не собирался никого ранить и тем более убивать. Скандал и отставка — вот что ему было нужно. К тому же скандал мог поправить и пошатнувшиеся литературные дела, как потом поправила их смерть поэта (за несколько дней его сочинений было продано на сорок тысяч). А уж что такое скандал, Пушкин понимал лучше других! Еще в юности он говорил своему батюшке: «Без шума еще никто не выходил из толпы».

Пушкин ищет скандала, сейчас бы сказали: «сам нарывается». С начала 1836 года Пушкин оказывается сразу в трех дуэльных историях, в двух из которых он был инициатором, а третью чуть не вызвал своим оскорбительным поведением Дуэли возникают,

что называется, на пустом месте, хотя вокруг его жены увивается молодой кавалергард.

Первая дуэль, с князем Н. Г. Репниным, чуть не случилась по поводу слухов о якобы нелицеприятном отзыве князя о Пушкине. В черновиках своего письма князю Пушкин использовал довольно резкие выражение, но во французском письме сгладил их, что дало повод князю ответить Пушкину в вежливой форме, сохраняя достоинство. Пушкин удовлетворился его ответом и принес князю благодарность за письмо, коим его удостоили. Но почти тут же жертвой его нервозности стал С. С. Хлюстин, молодой человек, отставной поручик Уланского полка, богатый сосед Гончаровых по имению, на которого имели виды сестры Наталии Николаевны. В разговоре с ним Пушкин позволил себе сказать, имея в виду Хлюстина, что некоторые люди повторяют нелепости «свиней и мерзавцев каков Сенковский». — «Тон и запальчивость вашего голоса не оставляли никакого сомнения относительно смысла ваших слов, — впоследствии писал ему Хлюстин, — даже если бы логика и допускала неопределенность их значения».[31]. Под конец разговора на повышенных тонах, Пушкин даже стал позволять себе выражения, которые не предвещали ничего хорошего: «это уж слишком», «это не может так кончиться» и пр. При свидетелях никогда не говорили о дуэли прямо, именно эти устойчивые иносказательные выражения и приводили к дуэли, тем более поза, интонация, повышенный голос, что совершенно правильно оценил Хлюстин. Хлюстин письменно потребовал объяснений от поэта. На этот раз от дуэли Пушкина спас его друг Сергей Александрович Соболевский, который взял на себя обязанности секунданта, как он уже делал это в 1826–1827 годах, предотвращая дуэли с графом Ф. И. Толстым — Американцем (небезынтересно, что Хлюстин был родным племянником графа) и В. Д. Соломирским в Москве. Кстати все друзья сходились единодушно в том, что если бы Соболевский не уехал летом 1836 года за границу, он сумел бы предотвратить и дуэль с Дантесом. Я в это не верю.

Третья дуэль касалась уже не литературных споров, а чести Наталии Николаевны. Что называется, это было уже близко к теме. В основе слуха лежало недоразумение, неправильно переданные слова, но Пушкин искал упорно Соллогуба, уехавшего в Тверь, в самой Твери с ним разъехался на один день и молодой граф примчался в Москву, чтобы ни дай бог не подумали, будто он уклоняется от дуэли.

Когда Соллогуб все — таки встретился с Пушкиным, приехав рано утром к Нащокину, где тот останавливался, Пушкин в приватной беседе вполне спокойно ему объяснял, что обиженным,

впрочем, он себя не считает, его волнует светское значение графа, если он оставит без удовлетворения дело, получившее уже в небольшом кругу некоторую огласку. Дело быстро уладилось с помощью Нащокина, и Пушкин повеселел.

«Думаете, мне весело стреляться? Да что делать? Я имею несчастие быть общественным человеком, а вы знаете, что это хуже, чем быть публичной женщиной», — сказал Пушкин графу Соллогубу.[32].

Удивительно, что, завершая определенную дуэльную ситуацию, Пушкин начинал испытывать доверие к человеку, с которым он собирался стреляться. Хлюстина он попросил передать его картель в Тверь графу Соллогубу. А граф Соллогуб с московского примирения стал его доверенным лицом.

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ

К осени ситуации усугубится. А пока Пушкины живут на Каменном острове, снимая два дома в самом фешенебельном дачном районе, за снятую дачу платят в два раза дороже, чем в предыдущий год. Непомерные расходы — это тоже повод для света злословить, многие знают, что царь дает Пушкину взаймы. В конце мая Наталья Николаевна рожает дочь Наталью.

Месяц после родов она не выходила из комнат и появилась в свете только 13 июля 1836 г., хотя на прогулки стала выезжать с двадцатых чисел июня. Пушкин отклоняет приглашение на ежегодный бал в честь дня рождения императрицы 1 июля, на котором он обязан быть по протоколу, сославшись на траур по матери. По мнению современного исследователя, он оттягивает встречу Натали с Дантесом. Но, понятно, что не Дантес его волнует, а встреча Натали с царем. Однако балы он все — таки посещает, не соблюдая траур, и Натали там танцует с Дантесом: это бал на Минеральных водах 6 августа, праздник и бал в Елагином дворце 5 сентября по случаю храмового праздника Кавалергардского полка Ее Величества, последний вполне протокольный. Кроме того, на нем присутствуют все офицеры Кавалергардского полка. Поручик этого полка Дантес возобновляет свои ухаживания. Может быть, Пушкин с удовольствием не пустил бы жену, но удержать не может. Она молода и сестры ее не пристроены. Наталья с сестрами свободно гуляет на островах, совершает с ними конные прогулки (все трое были прекрасными наездницами). Их всегда сопровождает кавалергардская молодежь, среди которой и Дантес. Значит, табу Пушкина касается только придворных балов, где обязательно присутствует император и совсем не обязательно Дантес. Впрочем, балов на Минеральных Водах было много, а мы имеем сведения только о тех, что привели в пример. В середине сентября дачный сезон заканчивается, все начинают возвращаться в город. Государю пока негде увидеть Натали и, видимо, он решается на поступок, который и запустил весь необратимый механизм, приведший Пушкина к смертельного исходу.

Хорошо известно, что осенью или зимой у Натали состоялась некое свидание на квартире Идалии Полетики. По версии многих, Идалией Полетикой была подстроена встреча с Дантесом. А. П. Арапова, дочь Натальи Николаевны от брака с Ланским, пишет даже, что не подстроена, а Наталья Николаевна знала, что встреча будет с ним и сознательно на нее пошла, в чем казнила себя всю жизнь.

Академик Н. Я. Петраков логично предположил, что встреча была с царем и именно это обстоятельство, известное Пушкину от жены, привело к появлению анонимных писем. И была она до 19-го октября, потому что 19 октября П. П. Ланской, как известно из его формуляра, уехал в командировку и вернулся в Петербург уже после смерти Пушкина. По словам дочери Ланского, А. П. Араповой, он дежурил у подъезда своей любовницы Идалии Полетики, охраняя место свидания Натали и Дантеса от нежданных посетителей. Те, кто придерживается подобной версии, по мнению Н. Я. Петракова, не учитывают, что Ланской был на тринадцать лет старше Дантеса, только что произведенного в поручики, и имел чин ротмистра. Вмешаемся в рассуждения Петракова, тем более что известие о том, что Ланской был ротмистром, повторяют все, кому не лень, некоторые даже называют его молодым человеком, а ведь Ланской был одного возраста с Пушкиным, старше поэта на три месяца. Ротмистр — это чин в кавалерии, равный всего лишь чину капитана, первой назвала своего отца «кавалергардским ротмистром» А. П. Арапова, старшая дочь Ланского и Натали. На самом деле же Ланской еще 25 апреля 1834 года был пожалован флигель — адъютантом Его Величества, а 6 декабря того же года произведен в полковники. Теперь понимаете разницу между положением мальчишки Дантеса и Ланского в то время. Никакая любовница не заставит гвардии полковника и флигель — адъютанта Е. В. стоять «на атасе» у поручика. Другое дело, если он по должности флигель — адъютанта и к тому же кавалергардского полковника был доверенным лицом государя и охранял его, как правильно предположил Н. Я. Петраков.

Все исследователи сходятся в том, что воспоминаниям А. П. Араповой, нельзя верить, но почему — то, когда им необходимы доказательства, они этими воспоминаниями пользуются, подчеркивая, что только в их, частном случае, мемуаристу можно доверять. Вот и мы доверимся ей, и признаем, что действительно при свидании Дантеса, как она считала, и ее матери, на улице, «под видом прогулки около здания, зорко следил за всякой подозрительной личностью» их отец, Ланской. Что, конечно, сомнительно, если свидание было с Дантесом. Но вот, если мы примем версию, что у Идалии Полетики император встречался с Натали Пушкиной, то все встанет на свои места, кому, как не ему, сопровождать своего сюзерена. Тем более такие услуги были общепринятой практикой при дворе. Возможно и место свидания выбрал сам Ланской, все — таки квартира была ему хорошо знакома и он считал ее надежной.

«Царь — самодержец в своих любовных историях, как и в

остальных поступках, — пишет один приезжий иностранец, — он отличает женщину в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекшая внимание божества, попадает под наблюдение, под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, — о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья».[33].

Иностранец, конечно, сгущает краски, что всегда делают иностранцы, когда дело касается России.

«За государем подчас водились и маленькие анекдотические увлечения, которые он бесцеремонно называл «дурачествами», перекрестив их в оригинальное наименование «васильковых дурачеств» с тех пор, как услыхал, что Ф. И. Тютчев поэтически назвал их «des bluettes».[34].

Примером таких «васильковых дурачеств» может служить рассказ Ф. И. Тютчева о том, как царь, прогуливаясь по набережной, встречал одну и ту же молодую девушку. Она была прехорошенькая и скромно держалась. Он стал ей кланяться, она отвечала на поклоны, он заговорил с ней и обаял ее, потом договорился, что его примут ее родители в их скромной квартирке. Государя забавляло то, что незнакомка, видимо, не знала, кто он, и принимала его за простого гвардейского офицера. В назначенный день, подняв воротник шинели, он отправился на Гороховую, где жила девушка, но кухарка не пускала его, ссылаясь, что ни барыни, ни барина нет дома. «А барышня?» — «Никого». — «Ну, как же! Мне сказали, что меня ждут». — «Ждут — то ждут, да не вас, — понизила голос кухарка и сообщила по секрету: — Самого императора. Так что вы, господин офицер, идите подобру — поздорову». — «Да кто же им это сказал?» — «Барышня и сказала. Она у нас королева! Всё сама». — «Так передайте вашей королеве, что она дура!» Николай сам рассказывал эту глупейшую историю своим приближенным и первым смеялся над собой.[35].

Разумеется, многолетнее восхищение государя красотой Н. Н. Пушкиной можно было бы назвать и любовью. Перед истиной любовью он, бывало, и робел, и даже порой отступал. Забежим вперед и напомним, что, после смерти Пушкина, когда через два года траура, Натали вернулась в Петербург. Случайная встреча с царем под Новый 1842 год, в английском магазине на Невском, повернула ее судьбу. Она стала одной из женщин, которых, по выражению М. А. Корфа, император иногда навещал.

И Ланской женился на ней в июле 1844 года, покрывая эту связь, которая, впрочем, особенным грехом не была, ведь Наталья Николаевна вдовела к тому времени почти три года, была вся в долгах (в феврале 1844 года ей было пожаловано по распоряжению императора 25000 (!) рублей для уплаты ее личных долгов). К тому же дворянам Ланским подобное было к лицу, двоюродный дядя полковника, Александр Дмитриевич Ланской, поймал свой «случай» с Екатериной Великой на Святой неделе в 1880 году, когда сделался флигель — адъютантом императрицы и полковником, поселившись в Зимнем дворце, что немало способствовало карьере семи его двоюродных братьев, один из которых был отцом нашего героя. В результате своего «случая» П. П. Ланской еще до свадьбы получил Конногвардейский полк, шефом которого был сам император, и чин генерал — майора.[36]. Без этого их союз действительно был бы, как писал М. А. Корф в своем дневнике, «союзом голода с нуждой». Подробней на этом мы останавливаться не будем — не наша тема, но до конца жизни Ланской выполнял личные поручения императора.[37].

Общеизвестно, что сразу после дуэли царь довольно снисходительно относился к кавалергарду барону Егору Геккерну, как он официально числился по документам, и уж тем более к его приемному отцу, который не отвечал за сына. Лишь после смерти Пушкина, когда ему стали известны все подробности интриги двоих Геккернов, он в письме к своему брату Михаилу в Рим обозвал старшего Геккерна «гнусной канальей». Ведь Геккерн сводничал Дантесу, уговаривал жену Пушкина отдаться Дантесу. Именно это сводничество вывело царя из себя, эти господа вполне серьезно пытались перебежать ему дорогу. Как посмели! А уж личину можно было надеть любую, даже хранителя семейного очага своих подданных. «Ты был не царь, а лицедей», — писал о нем Тютчев, поэт, царедворец и дипломат.

ИСТОРИОГРАФ ОРДЕНА РОГОНОСЦЕВ

4 ноября 1836 года по городской почте Пушкин и его ближайшие друзья получили по почте в двойном конверте следующий диплом, писанный по — французски:

«Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул под председательством высоко почтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Дмитрия Львовича Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь Иосиф Борх».

Долгие годы до революции, официально считалось, что в дипломе содержится намек на Дантеса и Наталью Николаевну. Это была официальная версия, которую старательно поддерживали друзья поэта, царедворцы: Вяземский, Жуковский, Виельгорский. Даже странно, насколько устойчива традиция. В дипломе даже намека на это нет. Потом все разъяснилось: намеки по царской линии уже ни у кого не вызывали сомнения. Но в последние годы все стало поворачиваться вспять. С. Л. Абрамович, долгие годы посвятившая дуэльной истории, старательно подчеркивает, что «среди откликов того времени нет ни одного, в котором бы речь шла о намеке на царя… Никто из тех, кто знал точный текст пасквиля, ни разу не высказал догадки о том, что в нем есть намек на царя».[38].

Напрасно думать, что Пушкин не достиг своей цели и никто его не понял; его друзья, некоторые из которых прекрасно постигли намек, содержавшийся в анонимном письме, просто боялись произнести вслух имя царя, а тем более отразить это на бумаге, т. е. задокументировать. Таинственно говорили лишь о некой «тайне», окружившей смерть поэта. Князь Вяземский дважды писал об этом в письмах: «Многое осталось в этом деле темным и таинственным для нас самих» (Из письма Вяземского к А. Я. Булгакову 5 февраля 1837 г.). «Эта история, окутанная столькими тайнами, даже для тех, которые наблюдали за ней вблизи…» (из неопубликованного письма П. А. Вяземского к Э. К. Мусиной — Пушкиной 26 февраля 1837 г. Подлинник по — французски.)[39].

Письменных свидетельств современников нет еще потому, что все прекрасно понимали намек, но никто не решался об этом написать по почте, поскольку письма перлюстрировались, о чем

всем было известно. Но говорить — то в свете говорили. На каждый роток не накинешь платок.

«Еще в Москве слышал я, что Пушкин и его приятели получили анонимное письмо в коем говорили, что он после Нарышкина первый рогоносец», — писал Александр Иванович Тургенев брату Николаю в Париж, сразу после кончины Пушкина. [40]. Т. е. исполняет роль главного рогоносца при царе Николае, как Д. Л. Нарышкин был «рогоносцем величавым» при императоре Александре.

Писал он с оказией, посылая письмо с д´Аршиаком, который после дуэли срочно покидал Россию. С оказией, значит, можно было не опасаться. «Слышал еще в Москве» — это значит до 20 ноября, поскольку 21-го он уехал в Петербург. Представьте себе, что распространителю устных слухов надо было добраться еще от Петербурга до Москвы, и вам станет понятно, что уже через неделю после получения диплома о намеке по царской линии шепотком говорили в самом Петербурге.

Петраков считает доказательством то, что намекать на Д. Л. Нарышкина мог только Пушкин, хорошо знавший уже порядком забытую историю Марии Антоновны Нарышкиной с Александром I. Тут Петраков ошибается, никто эту историю не забыл, хотя она и закончилась в 1813 году, почти сразу после рождения единственного сына императора Александра I, Эммануила Нарышкина, названного мистическим еврейским именем «С нами Бог», в честь побед над войсками Наполеона. Эммануил Нарышкин был известен всему Петербургу, он был воспитанником той же школы юнкеров и подпрапорщиков, которую закончил одновременно с ним и М. Ю. Лермонтов. Эммануил Нарышкин дожил до начала двадцатого века и всегда входил в ближний круг императорской фамилии. Совершеннолетие наследника престола Александра Николаевича отмечалось балом в доме у Д. Л. Нарышкина. А вот непременный секретарь И. Борх, именем которого подписан диплом, был мужем троюродной сестры Натальи Николаевны, урожденной Голынской. Циничный анекдот про чету Борх Пушкин рассказал Данзасу по дороге на Черную речку. Меня всегда удивляла невозмутимость Пушкина, граничащая с цинизмом, если помнить, что едет он защищать честь своей жены.

«По дороге им попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх с женой, ур. Голынской. Увидя их. Пушкин сказал Данзасу: «Вот две образцовых семьи», и, заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: «Ведь жена живет с кучером, а муж — с форейтором».[41].

Итак, почему Пушкин составил и послал пасквиль на самого

себя? Какие этому доказательства? Петраков считает, что главное, что преследовал Пушкин, это предупредить ближайших друзей против кого на самом деле он выходит на тропу войны. Он не хотел широкой огласки и потому разослал письма в двойном конверте для передачи самому себя. Однако Пушкин был уверен, что слух, или само анонимное письмо, все же дойдет до царя, заставив его остановиться, перестать настойчиво преследовать Наталью Николаевну.

С. Л. Абрамович пишет: «Пушкин уверенно называет число экземпляров («Семь или восемь» — А. А.), хотя мог бы сказать: несколько, многие… Значит, он был убежден, что распространение пасквиля ограничилось именно этим кругом лиц. Время показало, что Пушкин был прав».

Но откуда у Пушкина эта уверенность, Абрамович даже не приходит в голову. Она сама пишет, что «больше никаких подробностей об этом дне мы не знаем. К кому из друзей он бросился в первый момент? Как и когда узнал о письмах, которые получили Вяземские, Карамзины и другие? Где провел вечер? Об этом не сохранилось никаких свидетельств».[42].

Вот что пишет С. Л. Абрамович в своей хронике последнего года Пушкина, изданной в 1991 году:

«В 9-м часу утра в дом княгини Волконской на имя А. С. Пушкина доставлено отосланное по городской почте анонимное письмо… Несколько часов спустя Пушкину принесли еще два экземпляра таких же писем: одно передала с посыльным Е. М. Хитрово, другое принес В. А. Соллогуб. Ни один из них не подозревал о содержании писем. К вечеру поэт уже знал, что письма были посланы по семи адресам».

Спрашивается, как он узнал, кому посланы письма, если остальные скрыли от него получение этих писем, догадавшись, что это анонимки и даже уничтожили их? Как ему удалось опросить всех? Почему он уверенно говорил о количестве этих писем? Ответ на поверхности — автор этих писем он сам.

Есть свидетельство Клементия Россета, что получив анонимное письмо, он не передал Пушкину ни письма, ни своего подозрения, что, возможно, письмо написано князьями Гагариным и Долгоруковым, которые жили на одной квартире, и иногда посещали братьев Россет.

Клементий Россет был удивлен, насколько подробно был написан адрес к нему. Говорит об этом в своих воспоминаниях также и Н. М. Смирнов: «Подозрение (в составлении и рассылке пасквиля — А. А.) падало также на двух молодых людей — кн. Петра Долгорукого и кн. Гагарина… Подозрение подтверждалось адресом на письме, полученном К. О. Россетом; на нем подробно

описан был не только дом его жительства, куда повернуть, взойдя во двор, по какой лестнице и какая дверь его квартиры».[43].

Но никому не пришло в голову, что и Пушкин запросто посещал Клементия: «Осенью 1836 года Пушкин пришел к Клементию Осиповичу Россету и, сказав, что вызвал на дуэль Дантеса, просил его быть секундантом».[44].

Осенью 1836 года Пушкин вообще часто общался с Клементием, читал ему свое письмо Чаадаеву и именно Клементий предупредил его, чтобы он не посылал своего письма по почте.

«Сейчас возвратившись домой я узнал нижеследующее обстоятельство, которое спешу вам сообщить в дополнение к нашему разговору. — Государь читал статью Чедаева и нашел ее нелепою и сумазбродною, сказав при том, что он не сумневается, «что Москва не разделяет сумасшедшего мнения Автора», а генерал — губернатору князю Голицыну предписал ежедневно наведываться о состоянии здоровья головы Чедаева и отдать его под присмотр правительства, ценсора отставить, № журнала запретить.

Сообщаю вам об этом, для того, чтоб вы еще раз прочли писанное вами письмо к Чедаеву, а еще лучше отложили бы посылать его по почте; я прошу прислать мне вышесказанный номер для прочтения с подателем этой записки».[45].

Письмо датировано в полном собрании сочинений около (не ранее) 22 октября 1836 года.

Волнения Клементия, разумеется, были напрасны. «О себе говорить не хочу, — писал Пушкин Нащокину в начале 1835 г., — потому не намерен в наперсники брать московскую почту, которая нынешний год делала со мною удивительные свинства; буду писать тебе по оказии».[46].

С. Л. Абрамович приходит к выводу, что после свидания с Дантесом 2 ноября 1836 года, в результате которого кавалергард получил полный афронт, Геккерн и Дантес составили заговор и отомстили Наталье Николаевне анонимными письмами. Не буду приводить много аргументов против этой версии, психологически и логически неверной. Скажу только что дипломат такого ранга, как Геккерн, прежде хорошо обдумывает свои действия и последствия, к которым они могут привести; по ее же версии он ведет себя как мальчишка, а не как государственный муж. Но даже для мальчишки от ночи 2 ноября до второй половины 3-го, когда были посланы по городской почте письма, не маловато ли времени, для того чтобы придумать способ мести, утвердиться в нем, просчитать последствия, исполнить, т. е. написать семь или восемь пасквилей, узнать точные адреса и послать письма так,

чтобы это не вызвало никаких последствий и розыск писавшего их ничего бы не дал, как это и произошло. Такие операции за двенадцать часов не готовятся.

П. Е. Щеголев, первым по настоящему разобравшийся во многих хитросплетениях дуэльной истории, прекрасно понимал, что Пушкин ведет игру на два фронта, против Дантеса и Гекерна, а также против царя. Он писал, что «указание» в письме Бенкендорфу (которое позже напишет Пушкин — А. А.), на Геккерна, как на составителя подметного письма, задевающего семейную честь императорской фамилии, сослужило бы Пушкину несомненную пользу и в отношениях царя к чете Пушкиных. Произошло бы поражение и другого опасного — гораздо более опасного, чем Дантес, — поклонника Натальи Николаевны — Николая Павловича Романова. Атмосфера была бы разряжена. Вот такая тонкая игра, которую хотел повести Пушкин».[47].

Щеголев не сделал в своих рассуждениях последнего шага, не предположил, что письма были мистификацией самого Пушкина, хотя мог бы, потому что и сам не был чужд мистификациях. Они вместе с советским графом Алексеем Николаевичем Толстым написали знаменитый «дневник» фрейлины Анны Вырубовой, который долгое время в советской историографии считался подлинным историческим документом.[48].

ЧЕЛОВЕЧЕК-МАШИНКА

С современной точки зрения писать подметные, как тогда говорили, письма нехорошо и этим занимаются нехорошие люди! А кто вам сказал, что поэты люди хорошие и нравственные? Перед глазами Пушкина был пример. В 1835 году мальчишка — гусар Лермонтов написал анонимное письмо с клеветой на самого себя, что верно подметил Петраков. Позже, объясняя свой поступок, он сказал: «Теперь я не пишу романы, я их делаю». Не буду останавливаться на этой нашумевшей истории мести Лермонтова светской кокетке, но к замечаниям Петракова, считавшего, что Пушкину история была известна, могу добавить только то, что Пушкин, всегда интересовавшийся гусарскими шалостями с лицейских времен, уж наверняка был в курсе, поскольку его шурин, Иван Гончаров, был сослуживцем Лермонтова и жил в Царском Селе на одной квартире с его близким другом, графом Васильевым.

В девятнадцатом веке игра в анонимов пользовалась большим успехом в светском обществе, достаточно вспомнить, что известная художница Мария Башкирцева написала десятки анонимок, часто с целью мести, и даже вела анонимно любовную переписку с Мопассаном. А ставшие популярными маскарады, в которых маски окружали государя и интриговали его, затаскивая в кабинеты, где он оставался подолгу и возвращался во дворец после царской семьи, уезжавшей раньше его.[49].

Сам Пушкин попался на мистификацию Мериме, когда перевел «Песни западных славян», а последним его произведением стал написанный в начале января 1837 года pastishe (подделка, пародия) на Вольтера и потомка брата Жанны д´Арк, который якобы вызвал Вольтера на дуэль, за оскорбление «орлеанской девственницы». Последнее также отметил Петраков в своей книге.

Но если принять версию академика Петракова, то встает главный вопрос, кто написал письма? Кто был организатором, он предположил. А кто же конкретно водил пером по бумаге? Петракова этот вопрос не волнует, он им не задается, для меня же, как для драматурга, это вопрос первостепенный. Кого Пушкин посвятил в свою интригу? И мог ли он кого — нибудь посвятить в это из своих друзей? Мне было ясно, что не мог. Нужна была абсолютная конфиденциальность. Ее нельзя получить от кого — то из близких, людей любящих Пушкина, ее можно было только купить. Даже С. Л. Абрамович, обсуждая вопрос о том, кто конкретно писал подметные письма, в конце концов,

проговаривается, что можно было нанять переписчика за деньги. Я, по выражению Пушкина, предпринял розыски, не засветился ли где — нибудь такой человек. Надежды на это не было никакой. Ноль. Как можно найти человека, молчание которого куплено за деньги. И где сам Пушкин нашел его? Ясно, что поэт не мог обратиться к своим традиционным переписчикам из литераторской среды, нужен был человек посторонний, не связанный с этим кругом. К моему удивления, искать долго не пришлось. Этот человек был. И упоминание о нем тут же нашлось. Потому что Пушкин его искал и как неопытный конспиратор оставил след. С просьбой о человеке, которому можно доверить переписку конфиденциальной рукописи, Пушкин обратился к Филиппу Филипповичу Вигелю. Вероятно, он предупредил его, что будет французский текст. Почему он обратился к Вигелю? Потому что все переписчики в литературных кругах слишком хорошо знали поэта. К тому же они переписывали русские тексты, а Вигель был в то время директором департамента иностранных исповеданий и у него должны были быть переписчики иностранных текстов. Но прежде чем идти в своем повествовании далее, скажем несколько слов о новом фигуранте, имя которого никогда не упоминалось в связи с дуэлью Пушкина. Предоставим сказать несколько слов о нем современникам. Князь П. А. Вяземский писал, что Вигель «имел замечательный природный и даже довольно образованный ум. Скажу более, — я убежден, что он имел даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нрав его портил в нем дары природы. Во многих отношениях узкость понятий, мелкое чиновничество, доводившее самолюбие его до малодушия, затмевали светлый ум его. Способный любить и уважать достойных людей, он был злопамятен в безделицах и за безделицы. Он не прощал, если не отплатят ему тотчас визита его, если нарушат в нем права местничества, то есть, посадят его за столом не на место, которое он читал подобающим чину его… В течении жизни он неоднократно ссорился не только с отдельными лицами, но и с целыми семействами, с городами, областями и народами…».[50].

По поводу встречи с Вигелем у Уварова в 1832 году, Н. А. Муханов отметил в дневнике своем: «Вигель имеет гадкую репутацию, вкусы азиатские, слыл всегда шпионом… О Вигеле граф Александр Толстой большого понятия. Говорит, что мало людей, столь здравомыслящих. Это потому, что Вигель мыслей самых монархических, даже деспотических».[51].

Его считали умным и приятным малым, желчным и злоязычным, разговор его был прелестен, пересыпан густо

анекдотами, стихами, удачными выражениями. Пушкин в своем дневнике 7 января 1834 года отметил, что любит его разговор, «он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве». «Зависть грызла его, желчь его разливалась и он сам распложал себе врагов в обществе, между которыми должен был жить» наконец, по словам Липранди, «немало раздражала его и мысль, что несчастная привычка его, против которой он не был уже в силах бороться, известна всем».[52].

Последняя привычка делала его замкнутым, приучила осторожничать и скрытничать, именно поэтому Пушкин со своей просьбой найти верного человечка для переписки обратился к нему. Между ними не было секретов, еще в письме 1822 года Пушкин писал:

> «Тебе служить я буду рад
> Своей беседою шальною -
> Стихами, прозою, душою,
> Но, Вигель, — пощади мой зад!»

Это стихи, следственно, шутка — не сердитесь и усмехнитесь…»[53].

Вигель оставил весьма желчные воспоминания, с уничижительными характеристиками многих современников, которые до сих пор полностью не напечатаны. Пушкин, один из немногих фигурантов этих воспоминаний, не подвергся с его стороны нападкам и обвинениям, к нему Вигель относился с неизменной теплотой. Несмотря на то, что он был ярым монархистом, после смерти Николая I он с таким остервенением принялся ругать его, что А. О. Смирнова — Россет выгнала его из своей гостиной. Судачили, что даже запустила в него лампой.[54].

Вот что отвечал Филипп Филиппович Вигель в ответ на просьбу Пушкина в письме написанном, по датировке полного собрания сочинений, около 18–20 октября 1836 года (далее подчеркнуто мною — А. А.):

«Вы требуете от меня того, об чем я сам хотел просить вас; у меня есть человечек — машинка, который очень исправно переписывает ему совершенно непонятное. Его рукой писано письмо мое и мною даже не подписано. Вот вам доказательство, что я не ищу его известности; оно писано для одного. Надо было быть уверену в его уме и проницательности, чтобы осмелиться так писать. Он один сквозь некоторую досаду мог увидеть беспредельную к нему любовь и преданность: его талант поставил выше мелочей обыкновенного самолюбия. Он может не уважить мнением моим, но чувства, я знаю, всегда уважал. — Я болен, без

того бы сам к вам явился. Я чувствую простуду и в то же время моральную болезнь, какое — то непонятное лихорадочное беспокойство. Нежную, обожаемую мать разругали, ударили при мне по щеке; желание мести и бессилие меня ужасно тревожит. — Я ожидаю от Димитрия Николаевича извещение когда удобнее ему будет дружески, по Арзамасски, побеседовать с вами».

Далее следует французский текст, мы даем его по — русски:

«Я снова раскрываю мое письмо, чтобы сообщить вам, что Блудов ждет вас с нетерпением с десяти до трех в среду. Дайте мне знать, должен ли я притти к вам, я совсем болен, но мертвым или живым вы увидите меня у себя, если вы это прикажите».[55].

Надо сказать, что это письмо никто прежде не комментировал в первой его части. Так вот в этих строках речь идет о человечке — машинке, к которому Вигель, вероятно, испытывал определенные чувства, скрывать которые от Пушкина он не считал нужным, а даже и афишировал их, потому что Пушкин совершенно спокойно относился к его гомосексуальном наклонностям. Как сказали бы сейчас, был вполне политкорректен. К тому же Вигель и сам хотел обратиться к Пушкину, по поводу работы для своего любимого человечка, о чем говорит во первых строках. Он подчеркивает, что человечек во всех отношениях надежен, и сам Вигель не ищет для него известности, а того его талант поставил выше самолюбия. Ясно, что Пушкин искал человечка надежного, которому можно доверить переписку каких — то рукописей, при соблюдении тайны. Вигель ручается в этом. Во второй части Вигель иносказательно пишет о философическом письме Чаадаева, которое морально его сломило. Из морального кризиса директор департамента иностранных исповеданий, действительный статский советник Ф. Ф. Вигель скоро выбрался и 21-го октября написал на Чаадаева донос петербургскому и новгородскому митрополиту Серафиму. В третьей части своего письма, он сообщает о том, что договорился с министром внутренних дел Блудовым, своим непосредственным начальником, о встрече того с Пушкиным.

Когда — то и Блудов, и Вигель, и младший их товарищ Пушкин были членами литературного общества «Арзамас», соответственно под прозвищами: Кассандра, Ивиков Журавль и Сверчок. Об этом вспоминает Вигель, договариваясь с Блудовым о встрече.

Ясно, что Пушкин обратился просьбой к Вигелю, по крайней мере, за день до этого, в правилах хорошего тона было отвечать на письма в тот же день или на следующий. Переписка Пушкина нам демонстрирует это. Что же произошло до 18–20 октября 1836

года?

Приехав на квартиру к Идалии Полетике по ее просьбе, Натали Пушкина нашла там императора. Император часто пользовал конспиративные квартиры для встреч с дамами. Вероятно, по просьбе своего любовника Ланского, Идалия уступила квартиру императору. Наталья была взволнована состоявшимся разговором, не нам судить, что там произошло. Скорее всего, галантный император отступил перед растерянной женщиной, он вовсе не был монстром, как пытались его характеризовать, но актером был и отступление его было обставлено по всем правилам актерского искусства, как жест великого благородства.

Итак, во времена первого замужества Наталья Николаевна возможно избежала падения с императором, но в расстроенных чувствах, она примчалась к Вяземским, где не нашла ничего лучшего, как объяснить свое состояние тем, что была на тайном свидании с Дантесом, где поручик ломал руки и обещал застрелиться, если она немедленно не отдастся ему. Застрелиться? В чужом доме? По другой версии он якобы стоял на коленях, умолял ее бросить мужа и бежать. Она еще что — то врала, лепетала, произносила имя Дантеса, в ужасе боясь случайно произнести другое имя. Княгиня Вера вспоминала об этом через много лет, когда версия окружения Пушкина уже отлилась в нужную форму: Пушкин, Натали, Дантес. Вся эта история отдает такой фальшивой мелодрамой, что не хочется ее обсуждать, все аргументы против уже привел Н. Я. Петраков в своей книге. Муж увидел ее смятенное состояние, которая она так и не смогла подавить; былого развратника не так легко было обмануть, как княгиню Веру. Он взбесился, узнав от жены правду (каким способом он ее вытянул, мы не знаем), и, поняв, что далее терпеть нет мочи, собрался запустить уже продуманный и подготовленный маховик с анонимными письмами. Но, вероятно, медлил. На что — то надеялся.

Пушкину нужен был предлог, весь год он кидался на кого ни попадя, пока мертвой хваткой не вцепился в наглого и развязного кавалергарда с его омерзительным «папашей». Мы не знаем, что говорил Дантес, добиваясь благосклонности Натали, возможно, он ее и шантажировал. А уж если и шантажировал, так это связью с царем, о которой намекает ему папаша в своем письме, о чем мы знаем по ответному письму самого Дантеса. «Ты был не менее суров к ней, написав, будто до меня, она хотела принести свою честь в жертву другому».[56]. Будучи уже в Петербурге, с мая месяца 1836 г., барон Геккерн уже вполне открыто мог говорить об этом Дантесу, и сам Дантес мог, в конце концов, применить

этот аргумент в своем давлении на Натали. 16 октября у Дантеса состоялся серьезный разговор с Натали, вероятно, после которого, по его словам, ему пришлось собрать все свое мужество и вполне сносно сыграть свою роль. Письмо Геккерну он пишет 17-го. «Но потом силы оставили меня и такая охватила слабость, что я едва успел выйти из гостиной, а оказавшись на улице, расплакался, как дурак».[57]. Далее, вырабатывая план действий в письме к «отцу» он открыто пишет: «Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что (далее несколько слов неразборчиво).[58]. Комментаторы выбирают только два варианта: или Дантес повторяет угрозы застрелиться или угрозы все рассказать мужу. Мне же представляется третий вариант: здесь кроется намерение открыть всем, или мужу, что она любовница царя. «И внушить ей, что ее связь с государем может быть предана огласке»: возможно ли такое прочтение зачеркнутого? А почему бы и нет? Поэтому и надо было так размазать еще не просохшие чернила, чтобы его мысль никогда не поддалась прочтению. Вырвалось, но тут же понял, что подобное никак нельзя доверять бумаге. Дантес мог знать о свидании Натали с царем от Идалии Полетики, которая не удержалась и доверила тайну своему бывшему любовнику. Впоследствии, что тайна не соблюдена, стало понятно и самому монарху, гнев вылился на Идалию косвенно: ее муж был переведен в одесский гарнизон и Идалия всю оставшуюся провела в провинции. Было за что ей ненавидеть лютой ненавистью покойного поэта, ненавистью, которую пытались объяснить его нелестными строчками стихов о ней или тем, что в карете он потрогал ее за коленку. Право, женщину ее пошиба это не оскорбит.

Итак, Дантес или его «отец» Геккерн, заметьте устно, стали шантажировать Натали свиданием с царем, но Пушкин уже знал об этом свидании, и жене было просто поделиться своей тревогой с мужем. Вот только тут он и взбесился окончательно, только тут объект его ненависти окончательно определился, и поворота вспять для него не было.

КАРТЕЛЬ

Современный человек может сомневаться, как Пушкин, такой благородный, мог так низко поступить, указывать на то, что подметные письма написаны голландским послом. Но указывал он на это только в черновых, разорванных и не посланных письмах. В письме Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. он прямо указывает на иностранца, дипломата, как составителя писем, но это письмо он тоже не послал. А в роковом письме, которое привело к дуэли, об этом нет ни слова. Не смог возвести клевету. В письме есть только слова о трусости и пошлости Дантеса и о том, что он «плут и подлец». В этом он клеветы не усматривал. Хотя Пушкин довольно часто в своей жизни руководствовался совсем не христианскими принципами. Когда он узнал, что Толстой — Американец распространяет о нем грязные сплетни, то писал Вяземскому 1 сентября 1822 года:

«Ему (Толстому — А. А.) показалось забавно сделать из меня неприятеля…Я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью».[59].

Пушкин, как и Лермонтов, его младший собрат, решил делать романы в жизни. В этом деле у нас есть только одна сохранившаяся улика — анонимное письмо. Никто почему — то не обращает внимания, что диплом рогоносца вполне «литературен». Разумеется, и письменная культура в то время была довольно высокой, но всё же, всё же, всё же, как писал другой поэт и по другому поводу. В нем такие тонкости частной русской жизни, сочинение его он не под силу иностранцу. Да и написан он (т. е. исполнен) рукой русской, во всяком случае, для водившего пером французский язык не был родным. Вспомним, что для большинства аристократов, людей высшего света именно французский был родным, они зачастую и русского — то толком не знали. Например, Мария Дмитриевна Нессельроде, хотя и была урожденной Гурьевой, но по — русски говорила плохо. Поэтому в тексте ошибок нет, а рука неуверенна. Ясно, что тот, кто писал и тот, кто переписывал, люди разной культуры.

Теперь о печати. Все исследователи, описывая печать, которой было запечатано письмо, прежде всего, отмечают прописную букву «А» в центре, а также кириллическую букву «П», которую некоторые считают стилизованным изображением храма, поскольку на печати есть и изображение масонского циркуля. Буква «А» находится внутри кириллической буквы «П», что может

рассматриваться, как монограмма «Александр Пушкин». Лишь итальянская исследовательница С. Витале, описывая печать, в скобках предположила: «возможно, Александр, то ли Пушкин, то ли царь Александр I».[60]. Над ней не висело проклятие традиции. Почему не предположить, если в голову в первую очередь приходит Пушкин? Пушкин вообще любил всяческие монограммы своего имени, вспомним хотя бы Н. К.Ш. П.: так он подписывал в юности свои стихи. Масонская печать в некотором роде тайнопись. Зададимся вопросом, неужели Пушкин так явно поставил бы свои инициалы на печатке? Нет, конечно, если бы он знал, что запечатает ею анонимные письма. А если, спрашиваю себя, печать заказывалась много лет назад? Не могла ли это быть печатка самого Пушкина, заказанная им в Кишиневе у провинциального гравера, чем и объясняется ее невысокое качество? Буква «П» имеет на верхней планке черточки, которые некоторые называют гребенкой, а некоторые оградой. Можно предположить, что это зубцы крепости, ведь Пушкин расценивал свое пребывание в Кишиневе, как ссылку. Думается, что в организации ложи «Овидий», ее творческом оформлении Пушкин был не последней скрипкой. Недаром ведь ложа носит имя изгнанного в эти места римского поэта. Она имеет скорее отношение к поэзии, чем к масонству. Среди лож, бывших в России, нет ни одной с подобным названием. Теперь о полураскрытом циркуле. Почему — то никто не отметил, что это эмблема первого ученика, или брата, самой низшей ступени в 33 градусах.[61]. Лень искать было? А Пушкин и был первым учеником, поскольку был только посвящен в масоны. И наконец последнее: в основании буквы «П» располагается то ли перистый хвост, то ли пальмовая ветвь, то ли просто перо, как считают разные исследователи. Если это перо, то вспомним, что оно является орудием производства поэта Пушкина. Не слишком ли много символов и знаков, указывающих на поэта? Итак, смело можно утверждать, что Пушкин вступил в масонскую ложу «Овидий», заказал печатку, но потом никогда ее не пользовал, ведь ложи были запрещены через несколько месяцев (Пушкин даже считал, что из — за их ложи), и она валялась у него где — нибудь в шкатулке, жаль было выбросить. Пушкин вообще был бережлив: масонские книги для писания своих стихов он же использовал, и они сохранилась. Свидетельствует А. Н. Вульф: «Две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что — нибудь таинственного, заключенного в них, особливо когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Естественно, я думал видеть летописи какой — нибудь ложи; но

Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, окончил мои предположения, сказав мне, что она была счетною книгой такого общества, а теперь пишет он в ней стихи».[62]. И если он сам рассматривал письма, как жестокую игру для избранных, то должен был оставить и намеренный ключ к разгадке. Вспомнил про печать и передал ее переписчику вместе с текстом. Когда он собирался анонимно издавать «Повести Белкина», то просил Плетнева шепнуть книгопродавцу Смирдину его имя, «с тем, чтоб он перешепнул покупателям». На титуле поставил: «изданы А. П.» Вот и здесь, на печатке, «А. П.» присутствует, и здесь он шепнул, а никто не услышал. Он посмеялся, и снова никто не услышал.[63].

Пушкин, как стратег, прекрасно понимал, что интригу бывает лучше вывести наружу, чтобы она стала явной для небольшого числа избранных, мнение которых его волнует, чтобы перекрыть угрозы со стороны Геккернов. Поэтому всю силу своей ненависти он направил на них, т. е. на тех, кто ее действительно заслуживал. Но ему мало их, ему важно знать, что его атака будет понятна и избранным, а, по возможности, и самому царю. Их надо посвятить. Что — то масонское есть в этом посвящении, может потому и выбрана масонская форма.

Посвященные — это самые близкие друзья. Скажите, кто может знать, кто у Пушкина самые близкие друзья на данный отрезок времени. Или один из самых ближайших друзей, входящий в этот круг, или сам Пушкин. Даже агентам III-го отделения такая информация недоступна. Информаторы (люди другого круга), когда писали свои доносы на Пушкина, даже фамилию Жуковского перевирали, называли Жулковским. И еще. Почему выбраны именно эти люди? У них самые крепкие нервы. Это молодые, проверенные братья Россет, граф Соллогуб, не дрогнувший перед картелем самого Пушкина, верная Елизавета Михайловна Хитрово, близкие друзья Карамзины, с их салонным злоязычием, и Вяземские, жесткие, даже циничные, как князь Петр Андреевич, сам Пушкин, ясное дело, для алиби, Михаил Виельгорский, крестный отец последней дочери Натальи, человек очень близкий ко двору, гофмейстер.[64]. Нет среди выбранных ни старшего друга поэта Жуковского, крестного отца сына Григория, ни фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской, тети Натали, крестной матери всех детей Пушкина, зачем беспокоить нежного поэта, зачем волновать сердобольную старушку, тоже очень близких людей? Оба живут в Шепелевском доме при Зимнем дворце, на казенных квартирах. Рядом. Но Жуковский в Царском Селе и Пушкин знает об этом. Кроме того, Пушкин хорошо знает, как поведут себя тетушка и Жуковский, и не хочет их вмешательства. По некоторым сведениям, письмо получил и

Нессельроде, Пушкин, по мысли Петракова, надеялся, что тот передаст его лично царю, но старый царедворец испугался. Однако именно он показывал письмо барону Луи Геккерну, а Геккерн описал бумагу, на котором оно написано, и печать (не совсем точно) в письме к Дантесу. Как видите, печать в то время была главной приметой. Геккерн тоже искал составителя писем. Анна Ахматова почему — то считала по — другому: что Пушкин определил составителя писем по бумаге и печати. Она правильно догадывается, что это могут быть основные улики, но вывод делает странный. «Бумага и печать могли выплыть в откровениях Натальи Николаевны, если, например, какая — нибудь записка Дантеса была запечатана ею (он что, умалишенный, запечатывать подметное письмо собственной печаткой, которой пользовался для переписки? — А. А.). Недаром Геккерн описывает Дантесу печать, которой были запечатаны пасквили, в своей «воровской записке». Какое дело невинному человеку до того, какого формата бумага на шутовском дипломе и что изображено на печати?»[65]. Вообще странный вывод. Именно невинному человеку, да к тому же серьезному дипломату, придет в голову произвести собственное расследование. И начать его, естественно, с бумаги и печати. Теперь стараются не замечать эту проблему, у нас даже не опубликованы все печати, которыми пользовался Пушкин, а ведь печати всегда были на самом листе письма. Где этот свод печатей современников Пушкина? Его нет. А тогда о каком изучении столь важной улики может идти речь?

Вернемся, однако, к письму. До царя, думается, анонимное письмо все же дошло еще в ноябре, Михаил Виельгорский передал его в руки Бенкендорфа, именно этот экземпляр с печатью и двойным конвертом сохранился. Вероятно, это произошло перед самой встречей царя с Пушкиным, 23 ноября, о которой мы скажем позже.

Однако вмешательства Жуковского избежать не удалось. Наталья Николаевна, узнав, что муж вызвал Дантеса, может быть, догадавшись по визиту барона Геккерна к Пушкину, а может быть, старик Геккерн и лично посвятил ее, столкнувшись в доме, посылает срочно за своим братом Иваном в Царское Село. Оценив ситуацию, поручик Гончаров возвращается в Царское и оповещает Жуковского. Все идет не по плану Пушкина.

На следующий день Пушкин пишет письмо министру финансов Канкрину, в котором просит забрать за долги, в общем — то, не принадлежащее ему имение, но главное в письме не это, а просьба не сообщать об этом императору.

«Убедительнейше прошу ваше сиятельство не доводить оного до сведения государя императора, который, вероятно, по своему

великодушию, не захочет таковой уплаты (хотя оная мне вовсе не тягостна), а может быть и прикажет простить мне долг, что поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости…».[66].

Если ты начинаешь борьбу против кого — либо, ты, как порядочный человек, сначала должен очиститься от долгов своему врагу.

Жуковский, ведя переговоры о будущей дуэли, сообщает Пушкину, что он все неправильно понял и Дантес просит руки Екатерины Гончаровой, сестры Натальи Николаевны. Пушкин приходит в ярость от низости посланника и его сына.

Император Николай Павлович, вероятно, еще не ведающий о дуэльной истории (она держится в секрете), продолжает свои атаки на Натали. 15 ноября должен был состояться первый бал в Аничковом дворце, который ознаменовал собою открытие сезона.

Наталья Николаевна получает приглашение в Аничков дворец одна, без мужа, что, само собой, привело, Пушкина в бешенство. Натали была в растерянности, что ей делать. Ей не хотелось огорчать мужа и ехать, но не ехать она тоже не могла. Она обратилась к Жуковскому — тот немедленно ответил:

«Разве Пушкин не читал письма моего? Я, кажется, ясно написал ему о нынешнем бале, почему он не зван и почему вам непременно надобно поехать. Императрица сама сказала мне, что не звала мужа вашего оттого, что он сам ей объявил, что носит траур и отпускает всюду жену одну; она прибавила, что начнет приглашать его, коль скоро он снимет траур. Вам надобно быть непременно. Почему вам Пушкин не сказал об этом, не знаю; может быть, он не удостоил прочитать письмо мое?»[67].

Пушкин, разумеется, не мог не прочитать, записку, посланную ему Жуковским, поскольку Жуковский в это время вел переговоры по дуэли. Безусловно, прочитал и решил скрыть мнение Жуковского о непременном присутствии Натали на бале, так ему не хотелось, чтобы жена ехала во дворец. Он расценивал приглашение его жены без него, как тяжкое намеренное оскорбление. Императрица, разумеется, знала, что Пушкин посещает балы, видела его 5 сентября на храмовом празднике Кавалергардского полка, шефом которого была. Видел его там и царь. Да и в камер — фурьерском журнале отмечено его присутствие. Но ему снова указали на место, взяв формальный предлог.

16-го ноября, после бала в Аничковом дворце, где Натали была одна, Пушкин говорит Соллогубу в гостях у Карамзиных: «Ступайте завтра к д´Аршиаку. Условьтесь с ним насчет

материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше». Он просит вести переговоры о дуэли, хотя срок отсрочки, которую он дал Геккернам еще не кончился. После обмена разными условиями, Пушкин формально забирает свой вызов, а Дантес с Геккерном объявляют о помолвке на бале у Салтыковых.

С 17-го по 21 ноября Пушкин пишет письмо барону Геккерну, которое потом разорвет, но все основные мысли оставит для письма январского, послужившего причиной вызова Дантесом Пушкина:

«Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном».[68].

Петраков правильно замечает, что случай как нельзя был кстати и был на руку по большому счету только одному человеку, Пушкину. Хочу добавить к этому еще некоторые соображения. Кто посмел бы написать письма, в которых были намеки на личную жизнь монарха? Подданные, эти титулованные холопы? Да никогда в жизни. Они молчали и потом. Это были не времена Александра I, когда гусары могли показывать голые жопы царскому дворцу. Это не времена, когда Пушкин мог писать эпиграммы на царя и поплатиться за это только развлекательными путешествиями по югу России за государственный счет. Самое легкое, что могло ждать шутника при Николае, это разжалование в солдаты и ссылка на Кавказ. Лермонтов за стихотворение «На смерть поэта» получил эту ссылку и фактическое разжалование, потому что был переведен из гвардии в действующую армию под пули чеченцев тем же чином. [69]. А ведь царя он не трогал, только знать. Кауфман, сын генерала, офицер, за расстегнутый воротник, на пять лет был разжалован в солдаты.[70]. Может быть, иностранцы могли себе позволить такую вольность? Могли, но, только уехав из России, что они и делали, подобно маркизу де Кюстину, Александру Дюма и многим другим. А кто же мог в России решиться на такую

выходку? Как мы знаем, равным царю считал себя только один человек — Пушкин. «Только царь да я в сапогах!» — приговаривал он. Только он мог осмелиться. При этом интрига была так лихо закручена, что понять ее механизм было практически невозможно, о чем и говорит дальнейшее бытование разнообразным версий.

21 ноября Пушкин не послал письма ни Геккерну, ни Бенкендорфу, он только прочитал графу Соллогубу письмо к Геккерну, отчего молодой граф пришел в ужас. Как — то привыкли считать, что Жуковский организовал встречу Пушкина с царем, что не подтверждено ничем. Нам кажется, что к этому времени и экземпляр подметного письма, и слухи о дуэли, и объявление помолвки Дантеса и Екатерины, сестры Натали, были известны монарху. Он решил встретиться с Пушкиным и успокоить его сам, но чтобы разговор не вышел за рамки приличий, он провел эту встречу в присутствии графа Бенкендорфа.

Царь говорит о дуэли, слухи о которой дошли до него. Пушкин успокаивает, что дуэли не будет. Царь берет с него слово, что он сообщит ему лично, если дуэль все — таки станет неминуемой. Царь объясняет Пушкину, что любит его жену как добрую и искреннюю женщину, что даже предупреждал ее, что красота дает повод к комеражам (сплетням) в обществе, и что ей надо опасаться этих слухов, сколько для нее самой, сколько и для счастия своего мужа. «О да, я знаю, ваше величество, она передала мне ваш разговор. Я благодарю вас за отеческое внимание». «Разве ты мог ожидать от меня чего — нибудь другого?» «Не только мог, но и, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женою…»

Так с государем никто не смел разговаривать. И говорят они об одном, а подразумевают совсем другое. М. А. Корф рассказывал, что подобный разговор ему передавал сам государь через много лет и как происходивший где — то на балу за три дня до дуэли. Надо полагать, что и сам Николай чувствовал потребность как — то оправдаться, чтобы его слова были переданы потомству, ведь барон Корф был его летописцем. А граф Бенкендорф, и Пушкин, участники беседы, были давно в могиле.

Дантес женился на сестре Натальи, Екатерине, которая была старше его на четыре года, увернулся. Слухи поползли снова. Теперь уже о том, что Дантес принес себя в жертву. Но, думается, и с царем связывали Наталью.

Сразу после Нового года граф А. Х. Бенкендорф посылает Наталье Николаевне записку, которой извещает, что государь,

желая сделать приятное ей и ее мужу, посылает тысячу рублей для свадебного подарка Е. Н. Гончаровой. Екатерина была фрейлиной. Обыкновенно неимущим фрейлинам двора давалась так называемое фрейлинское приданое, сумма которого была от 10 000 рублей и значительно выше. Катрин Гончарова, вероятно, неимущей не считалась. Царь сделал подарок из своих денег, и Пушкин мог принять и это за оскорбление, поскольку деньги были посланы его жене через Бенкендорфа.[71]. Логичней это было сделать через министра императорского двора и уделов и управляющего Кабинетом Е. И.В., коим был в то время князь П. М. Волконский. Царь решил вопрос интимно, передал неофициально через графа Бенкендорфа, который имел сношения с женой поэта и ранее. Именно эта интимность и должна была взбесить Пушкина, но говорить об этом он, естественно, не мог, чтобы не заслужить обвинений в черной неблагодарности.

Свет смеется, Дантес издевается, отпускает пошлые каламбуры его жене. Геккерны, как старший, так и младший, в его глазах персонифицируются со злом. Друзья отворачиваются от Пушкина. «Дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных», — пишет Софи Карамзина за три дня до дуэли. Несмотря на траур по матери, который по — прежнему носит поэт, он посещает с женой все балы. 6 декабря, на Николу Зимнего, в день тезоименитства императора, «жена умного поэта и убранством затмевала всех других». (А. И. Тургенев). Он привязан, он прикован, он огончарован теперь уже навсегда. Натали танцует, она легка и воздушна. Он погряз в гостиных, душа его мельчает в салонах, кажется, что выхода из душного Петербурга нет, но выход есть всегда. Пушкин понимает, что ничего не остается, как идти до конца, его уже не остановить. Почитая мщение одной из первых христианских добродетелей, в бессилии своего бешенства, он пишет свое роковое письмо голландскому послу.

«При госпоже Валуевой, в салоне его матери (кн. В. Ф. Вяземской) он сказал моей жене следующее:

— Берегитесь, вы знаете, что я зол, и что я кончаю всегда, что приношу несчастье, когда хочу».

Так рассказывал барон Ж. Геккерн — Дантес на следствии полковнику А. И. Бреверну.[72]. Отчего ему не поверить?

ЗОРОВАВЕЛЬ

Последними строками Пушкина, скажем попросту, его завещанием, было письмо к графу Толю от 26 января 1836 года, написанное сразу после известного оскорбительного письма к барону Гекерну. В день дуэли, утром 27-го, он послал только письмо к д´Аршиаку по поводу предстоящей дуэли и любезную записку к писательнице Александре Осиповне Ишимовой, сожалея о невозможности посетить ее этим вечером. Пушкин прекрасно понимал, что письмо графу Толю может оказаться последним в его жизни и ухватился за случай высказать, что было у него на душе.

Известно, что к письмам своим Пушкин относился как художественным произведениям. Понимая, что может высказаться только косвенно, он все — таки написал о том, что думает. Он понимал, что последнее его письмо, когда разнесется весь о дуэли, непременно сохранится для потомков. Так оно и случилось.

«Милостивый государь,

граф Карл Федорович!

Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание коим почтили первый мой исторический опят вполне вознаграждает меня за равнодушие публики и критиков.

Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как не сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета; но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит Священное писание».[73].

Клевета, предубеждение невежества, зависть и неспособность сверстников и начальства, непонимание друзей, и откровенное одиночество на миру, всё это мучило Пушкина в последние месяцы его жизни. Что он мог противопоставить всему этому кошмару, в котором пребывал; только истину, которая (он верил) сильнее царя. Всегда читая эти строки, которые часто приводятся в исследованиях, я ощущал, что в них скрыто что — то очень

важное для Пушкина. Петраков правильно заметил, что эти слова касались взаимоотношений царя и поэта, но, как оказалось, они впрямую касались еще и женщины, и Бога. Как выяснилось, пушкинские комментаторы — атеисты в научном комментируемом издании «Пушкин. Письма последних лет» 1969 года, опростоволосились и расписались в своем бессилии: «источника цитаты обнаружить не удалось». В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», изданной уже в 1999 г., цитируется это письмо с редакторской пометкой в скобках «мнимая цитата».

На самом деле цитата не мнимая, источник ее мною найден. Их даже два. И мы не знаем, каким из них пользовался Пушкин. Сам он ссылается на Священное писание, ибо имя государственного преступника В. К. Кюхельбекера, от которого и пришла к Пушкину эта мысль, было под запретом.

Поэт В. К. Кюхельбекер, лицейский друг Пушкина, Кюхельбекер, десять лет проведший в одиночных камерах крепостей Шлиссельбурга, Динабурга, Свеаборга, с 1836 года находился в Сибири на поселении. По возможности он переписывался с Пушкиным, который иногда получал письма с оказией, в чем ему даже приходилось оправдываться перед III-им отделением и лично перед А. Х. Бенкендорфом. Поэму «Зоровавель», скорее всего в составе «Русского Декамерона 1831 года», Пушкин получил в 1832 году, о чем свидетельствует запись в дневнике самого Кюхельбекера: «21 июля. «Зоровавель» мой в руках Пушкина».[74]. Однако Пушкин решает издать эту поэму только теперь, укрывшись под именем издателя И. Иванова. Четыре года маленькая книжица, размером в 82 странички, лежала у него, за это время, на полтора года раньше, с разрешения III-го отделения, он издал также анонимно поэму друга «Ижорский».

Пушкин только что закончил первую часть «Капитанской дочки», и около 27-го сентября 1836 года он обращается к цензору П. А. Корсакову со следующий письмом:

«Милостивый государь,

Пётр Александрович,

Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку. Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству.

Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен). Знаю как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегнуть с полной доверенностию, и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмелюсь препроводить на разрешение к Вам тайну моего имени.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

Милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою

А. Пушкин».[75].

Петр Александрович Корсаков был человек замечательный, писатель, переводчик, он знал хорошо восемь европейских языков, в молодости служил при миссии в Голландии, изучил голландский язык и литературу, уже после смерти Пушкина в 1838 году выпустил «Очерки голландской литературы». Литераторы цензора П. А. Корсакова любили. Поэт Н. В. Кукольник писал о нем «Ни один из лучших писателей наших не имел ничтожного случая пожаловаться на его несправедливость». Даже скандальный Ф. В. Булгарин, вечно ссорившийся с цензорами, писал цензору Никитенко в 1844 году: «После смерти П. А. Корсакова — вы остались один человек в цензуре».[76]. В 1817 году он издавал «Северный наблюдатель», где напечатал стихотворения лицеиста Пушкина. Пушкин учился в Лицее с его братом Николенькой Корсаковым, умершим в двадцатом году в Италии и похороненным во Флоренции. О нем строки Пушкина в знаменитом стихотворении «19 октября», написанном в 1825 году в Михайловском, которые, безусловно, знал старший брат:

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют…
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж нами нет?
Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

На следующий день П. А. Корсаков отвечал Пушкину:

«Милостивый государь
Александр Сергеевич!

Приятно мне было видеть из лестного письма вашего, что вы не забыли старинного и всегдашнего почитателя вашей музы. Печатая ваши первые стихи в журнале моем, я гордился мыслию, что гениальный поэт, долженствовавший прославить имя свое и русскую словесность, избрал меня и журнал мой орудием обобщения своего с отечественными читателями. Не одна дружба ваша к покойному брату Николаю, — сознание гениальности вашей — заставляла меня радоваться вашим успехам. После этого, можете посудить, с каким удовольствием получил я вверенное цензуре моей ваше новое произведение! С каким наслаждением я прочел его! Или нет; не прочел, — проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав… Теперь вот в чем дело: вы желаете сохранить аноним, я не изменю вашей тайне; но мне нужно чье — нибудь имя для записания его comme votre homme de paille (в качестве подставного лица — фр.) в регистры комитетские; или лучше сказать, — нужно лицо представителя манускрипта. Потрудитесь же сказать мне его имя; а оно должно быть невымышленное: ибо цезура, допуская псевдонимы и анонимы авторов, должна непременно знать, кем именно сочинение неизвестного представляется цензору. Это одна просьба; а вот другая. Мне хотелось бы увидеться лично с вами и перемолвить несколько слов — о паре слов вашего прелестного романа, который я без малейшего затруднения хоть сей час готов подписать и дозволить к печатанию. Назначьте же час и место свидания: у меня или у вас? Хотя времени у меня весьма мало; но вы — должны быть исключением из общего правила.

Благоволите почтить ответом вашим нелестного почитателя и всегда вам

милостивый государь
готового на услуги
П. Корсаков.
28 сентября 1836.» [77].

Как видите, Пушкин обратился по адресу, но дело было не в «Капитанской дочке», которую он закончил только 19 октября 1836 года, о чем свидетельствует поставленная им дата.

Пушкин издал «Капитанскую дочку» в № 4 своего журнала «Современник», отдельное издание ему было не нужно до появления повести в своем

издании. Так для чего же он обратился к Корсакову так рано. Дело было не в «Капитанской дочке», надо было восстановить дружеские отношения с Корсаковым, самым доброжелательным цензором того времени, обаять его, наконец, встретиться, о чем

попросил сам цензор и уже в конфиденциальной беседе договориться об издании «Русского Декамерона». В качестве поставного лица, нужного для издания, как мы знаем из письма Корсакова, он пригласил двадцатичетырехлетнего Сергея Николаевича Дирина, переводчика, помощника редактора «Журнала мануфактур и торговли», дальнего родственника В. К. Кюхельбекера, который получал в III-м отделении письма Кюхельбекера к родным и показывал их Пушкину, поскольку в каждом из них упоминалось его имя. И. И. Панаев пишет, что «Дирин был в восхищении от приемов Пушкина, от его приветливости и внимательности». «Через несколько лет после смерти Дирина, — вспоминает Панаев, — я как — то завел речь об нем и об его отношениях к Пушкину с П. А. Плетневым.

— А знаете ли, почему Пушкин был так внимателен и вежлив к нему?

— Почему же? Ведь он был со всеми таков.

— Нет, — отвечал Плетнев, — с ним он был особенно внимателен — и вот почему. Я как — то раз утром зашел к Пушкину и застаю его в передней провожающим Дирина. Излишняя внимательность его и любезность к Дирину несколько удивила меня, и когда Дирин вышел, я спросил Пушкина о причине ее.

«С такими людьми, братец, излишняя любезность не вредит, — отвечал, улыбаясь, Пушкин.

«— С какими людьми? — спросил я ус удивлением.

«— Да ведь он носит ко мне письма от Кюхельбекера… Понимаешь? Он служит в III-м отделении.

«Я расхохотался и объяснил Пушкину его заблуждение.

Дирин, разумеется, ничего не знал о подозрении Пушкина; он пришел бы от этого в отчаяние».[78].

Дирин был человек скромный, он часто бывал у Пушкина, при литературных разговорах все сидел в углу и слушал. Он перевел и подарил Пушкину книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека». Она сохранилась в библиотеке Пушкина.[79].

Пушкин проявил истинное участие в молодом переводчике и написал отзыв о книге, которая только должна была выйти, в № 4 «Современника», в разделе «Новые книги».

Но вернемся к поэме Кюхельбекера, можно предположить, что Пушкин спешил ее выпустить к юбилею Царскосельского лицея 19 октября 1836 года, когда должна была состояться 25-я лицейская годовщина. Но, видимо, не эта дата толкнула его к напечатанию, иначе бы он, зная сроки выхода книг, начал бы свои действия раньше. Цензурное разрешение на издание «Русского

Декамерона» было получено 10 октября 1836 года, билет на выход книги подписан цензором только 25 ноября. В этот отрезок времени укладывается вся первая часть дуэльной трагедии, включая свидание Натали с царем, вызов Дантеса, объявление о помолвке Дантеса и Екатерины, аудиенция у царя. Незадолго до этого, в конце августа, он написал знаменитое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Нет смысла его цитировать, его все знают. Наряду с поэмой Кюхельбекера, его можно считать духовным завещанием поэта.

«Зоровавель» был издан анонимно стараниями Пушкина в составе книги «Русский Декамерон 1831-го года», где сама поэма перемежается прозаическими разговорами о ней. «Не я, графиня, заставил его (Зоровавеля — А. А.) говорить то, что вы слышали: речь его, как и всю повесть, взял я из 3 и 4 главы Второй книги Ездры».[80]. Новую книжку своего ссыльного друга Пушкин наверняка подарил всем своим друзьям, у нас нет сведений об этом, но мы допускаем, что эту книгу никто не захотел обсуждать, зная, чьему перу она принадлежит. Имена государственных преступников упоминать было запрещено. Кстати, заметим, что цензором книги был П. Корсаков, который позволил печатать и последнюю книгу самого Пушкина, вышедшую перед самой дуэлью, миниатюрное издание «Евгения Онегина». Пушкин выпустил книжку своего друга с той же целью, что и написал анонимное письмо: объяснить своим друзьям свою позицию, не зря он вернулся к этой позиции в письме к графу Толю. В этом письме Пушкин, скорее всего, цитирует Зоровавеля из поэмы Кюхельбекера, но ссылается на Священное писание. К позднейшей переработке поэмы сам Кюхельбекер сделал примечание к упоминанию о жемчужине царя Цейлонского: «Об этой жемчужине пусть прочтут хоть в замечаниях к Муровой поэме «Lala — Rukk». Нарочно ссылаемся на книгу, доступную несколько образованному читателю, потому что смешно в цитатах щеголять видом учености, почти всегда очень дешево купленной». [81]. Мы надеемся, что Пушкин все — таки заглянул в Священное писание, хотя бы из любопытства. Библию он усердно штудировал еще во времена своей ссылки в Михайловском. Книгу же Кюхельбекера он по выходе, наверняка перечитал, поскольку экземпляр его библиотеки разрезан. Маленькую книжку со стихами Кюхельбекера, я думаю, он дарил друзьям не без надежды, что они поймут притчу. Процитируем основную мысль поэмы по библии, для чего откроем Вторую книгу Ездры. Трое юношей телохранителей, поспорили, пока царь Дарий Персидский спал, что на свете всего сильнее. Каждый написал свое слово и запечатал, чтобы царь, проснувшись, рассудил.

«Один написал: сильнее всего вино. Другой написал: сильнее царь. Третий написал: сильнее женщины, а над всем одерживает победу истина».[82]. Победившим, естественно, оказывается третий, его имя даже упомянуто в библии: «это был Зоровавель». «Неправедно вино, — говорит Зоровавель, — неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает и остается сильною в век, и живет и владычествует в век века. И нет у нее лицеприятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого, и все одобряют дела ее. И нет в суде ее ничего неправого; она есть сила и царство и власть и величие всех веков: благословен Бог истины!».[83]. И персидский царь признал его мудрейшим и отпустил Зоровавеля строить Иерусалимский храм, повелев всем начальникам и правителям областей, военачальникам и сатрапам пропустить его и идущих с ним строить Иерусалимский храм, и дал свободу всем иудеям. Об этом мечталось и Кюхельбекеру в темнице, и Пушкину в тенетах «свинского» Петербурга.

Строки священного писания вставали перед Пушкиным в последние его дни, он уже воздвиг себе памятник нерукотворный, который вознесся выше главою непокорной Александрийского столпа. Он знал, что истина сильнее женщины и царя, но гения ставил еще выше. На Александрийском столпе, как известно, стоит ангел с крестом. Выше только Бог. Истина, которую с одного взгляда открывает гений (будем трезвы и назовем ее имя: это была гордыня, тяжкий грех), оказалась не сильнее Царя Небесного. Потому что у Бога истины нет лицеприятия. Ему что Пушкин, что царь, что Дантес. Пушкин пал на дуэли, испытывая судьбу, и Бог истины ему судья, а более никто.

notes

Примечания

1

Не удержусь и приведу лишь один пример такого бреда из книги А. Н. Зинухова «Кто убил Александра Пушкина», изданной в Харькове тиражом 300 экземпляров в 2004 году. Автор выдвинул гипотезу, согласно которой во главе заговора против Пушкина стоял шеф жандармов граф Бенкендорф, выполнявший волю Николая I. Жорж Дантес только имитировал выстрел на дуэли, а смертельную рану поэту нанес снайпер, расположившийся на соседней даче. Тело Пушкина, поскольку в нем осталась не вынутая врачом Далем оружейная пуля, являлось уликой против Бенкендорфа, поэтому оно было подменено в Конюшенной церкви после отпевания и потому в могиле собственно тела Пушкина нет, он похоронен в безымянной могиле. Вот такие, блин, козни. Не считая того, что младшая дочь Пушкина Наталья, совсем не его, а Николая I, хотя Пушкин уехал из Петербурга через две недели, а государь приехал туда почти через месяц после элементарно просчитываемого зачатия.

2

П. Я. Петраков. Александр Пушкин. Загадка ухода. М., 2005.

3

Русские поэтессы Анна Ахматова и Марина Цветаева были уверены, что Натали изменяла мужу. Возможно, женщины лучше знают женщин, а мужчины порой обольщаются.

4

И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 58. Кстати, чтобы было ясно, насколько дуэль была делом будничным, скажем, что упомянутый Пущиным П. Д. Киселев, будучи начальником штаба армии, в 1823 году смертельно ранил на дуэли другого генерала, командира бригады Н. И. Мордвинова. Начальник Главного штаба генерал И. И. Дибич, известил Киселева, «что государь, получив официальное представление его дела, вполне оправдывает его поступок и делает только одно замечание, что гораздо бы лучше было, если бы поединок был за границей». При Николае I отношение к дуэлям ужесточилось. // Записки Н. В. Басаргина. В кн.: Декабристы. Южное общество. М., 1982. С. 23–27. Будущего декабриста Ивана Анненкова, воспетого в фильме «Звезда пленительного счастья», Александр I простил за жестокое убийство товарища (П. Я. Ланского). Оскорбленный Ланской (он защищал честь своей жены) на дуэли в марте 1820 г. поступил великодушно и выстрелил в воздух, кавалергардский корнет Анненков же целился минут пять и убил соперника наповал. Мерзавцы в кавалергардском полку были не новостью.

5

Цит по кн.: Т. и В. Рожновы. Жизнь после Пушкина. Наталья Николаевна Пушкина и ее потомки. С. 482.

6

Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 томах. М., 1998. 2, С. 332.

Далее: ПВС-1998.

7

Бенкендорф пишет Пушкину: «Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова». — А. С. Пушкин. ПСС. XIV. С. 408.

8

21 декабря 1902 г. Бартенев писал В. И. Саитову: «Писем Натальи Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их». // С. В. Житомирская. К истории писем Н. Н. Пушкиной. «Прометей». № 8. М., 1972. С. 157. Статья посвящена опровержению слухов о существовании писем в Румянцевском музее.

9

А. С. Пушкин. Письма к жене. Л., 1987. С. 46.

10

Там же. С. 45.

11

Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М., 1997. С. 42..

Там же. С. 5.

13

Д. П. Якубович. Цит по кн.: Я. Л. Левкович. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.

14

Письма к жене. С. 48.

15

Там же. С. 49.

Брантом. Галантные дамы. М., 1998. С.29.

17

В военно — судном деле о дуэли, начатом 3 февраля 1837 г., во всех документах Пушкина упорно зовут камергером, следствие ведут офицеры Лейб — гвардии Конного полка, которые, вероятно, по возрасту Пушкина и его известности не могут даже предположить, что он имеет звание ниже. Лишь 16-го марта перед завершением дела, они запрашивают придворную контору, какое он все — таки имел звание, камергера или камер — юнкера, что контора в тот же день и разъясняет. Это лишний раз доказывает, что звание сие было для него унизительно, что теперь некоторые пытаются оспорить, находя документы, сколько камер — юнкеров были старше Пушкина. Они только забывают, что эти камер — юнкеры были не Пушкины. // Дуэль Пушкина с Дантесом — Геккереном. Подлинное военно — судное дело 1837 г. Репринт издания 1900 г. М., 1994. С.115–116.

Другие исследователи оправдывают Николая тем, что он соблюдал букву закона и не мог пожаловать Пушкина званием камергера, что более соответствовало бы его значению. Однако, в других случаях, Николай спокойно шел на это: так Мих. Ю. Виельгорский при коронации Николая в Москве в 1826 г. был сразу пожалован камергером и егермейстером, шагнув через ступень табели о рангах, сразу попал в третий класс. Высшим для придворных был второй класс, первого не было. // Е. Э. Лямина, н. В. Самовер. Бедный Жозеф. Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 46. Этот пример был далеко не единичный.

18

Дневник А. С. Пушкина. С. 5.

19

Летопись жизни и творчества А. Пушкина. В четырех томах. Т. 4. С.151.

20

Дневник А. С. Пушкина. С. 6.

ПВС-1998. 2. С. 231.

22

Цит. по кн.: А. С. Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 232.

23

Дневник А. С. Пушкина. С. 17.

Пушкин и его современники. Л., 1927. XXIX–XXX. С. 33.

25

А. С. Пушкин. Письма к жене. С. 70.

26

Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Пушкин и мировая культура. Л., 1987. С. 526.

27

Дневник Пушкина. С. 23.

28

Даже через три четверти века, в 1909 году, театральная цензура запретила последнюю фразу к исполнению на сцене в опере Н. А. Римского — Корсакова «Золотой петушок».

29

Наиболее полное издание этих писем в кн.: С. Витале, В. Старк. Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина. СПб, 2000. (Далее — «Черная речка».) Широко цитируется переписка в кн.: В. Старк. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина. В 2 томах. СПб., 2006. Использована она и в книге: С. Витале. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. (Далее: «Пуговица Пушкина».)

30

А. С. Пушкин. Письма к жене. С. 78.

31

А. С. Пушкин. ПСС., XVI. С. 379. (Далее: ПСС.)

ПВС-1998. С. 563.

33

П. Е. Щеголев. Ук. соч. С. 370.

34

Искорки; короткие и остроумные литературные произведения (фр.).

35

А. Соколова. В кн.: Николай Первый и его время. В двух томах. М., 2000.

Т. 2, 230–233.

Впрочем, А. П. Арапова в своих воспоминаниях пишет, что «характерной чертой может служить отношение всей родни к фавориту Ланскому. Его считали отщепенцем, и презрительно говорили о его возвышении, как позорящем весь род». Другой вопрос, правда ли это? // А. Арапова. Наталья Николаевна Пушкина — Ланская. М., 1994. С. 54.

Отметим в примечаниях еще одну историю: в 1849 г. государь заказал художнику Гау альбом лейб — гвардии Конного полка. Предполагалось, что все офицеры будут изображены с супругами, но в приказании, переданном через князя Петра Михайловича Волконского, было сказано, что государю «угодно иметь только портрет супруги командира генерал — майора Ланского, предоставляя ей самой выбор костюма» // Цит по кн.: Т. и В. Рожновы. Жизнь после Пушкина. С. 446.

37

Не один государь питал чувства к вдове Пушкина. Со слов Нащокина известно, что близкий друг Пушкина, князь Вяземский, волочился за женой поэта. После его смерти, летом 1841 г., Вяземский, один, без приглашения, приехал в Михайловское, где проживала Наталья Николаевна с детьми, чем очень стеснил ее, поскольку являлся ее кредитором, что, безусловно, тяготило вдову. Ясно, что из его любовной атаки ничего не вышло, но попытка такая была, ибо Вяземский считал свое чувство «любовью». По понятиям того времени, эта поездка, по меньшей мере, была бестактна. К слову, он ни разу не посетил самого Пушкина, сосланного в деревню, хотя друзья последнего Дельвиг и Пущин приезжали к нему в Михайловское. К слову сказать, по моему глубокому убеждению, настоящими друзьями Пушкина были только его лицейские.

38

С. Л. Абрамович. Предыстория последней дуэли. СПб., 1994. С. 88.

П. и его современники. СПб., 1908. VI. С. 59.

А. Ахматова. Соч. в 2 т. 2. С. 391.

41

Цит. по кн.: Разговоры Пушкина. М., 1929. С. 266–267.

С. Л. Абрамович. Предыстория… С. 10.

ПВС-1998, 2. С. 274.

ПВС-1998, 2. С. 348.

ПСС., XVI. С. 176.

ПСС., XVI. С. 4.

47

П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1997. С. 385.

48

Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. Впервые «дневник» был напечатан в журнале «Минувшее» №№ 1–4, 1927–1928 гг. Кстати, в первом номере журнала «Минувшее» за декабрь 1927 года П. Е. Щеголевым под своим именем впервые была напечатана версия написания подметных писем под названием «Убийцы Пушкина», в которой он обвинял в этом кн. Петра Долгорукова. Не буду вдаваться в подробности этой нелепой версии, бытовавшей многие годы, но графологическая «экспертиза» А. А. Салькова, как стало впоследствии известно из признания подвыпившего Щеголева своему литературному секретарю, была куплена им за две поллитровки водки, а ее полная несостоятельность доказана новейшими экспертизами в 1960–70 гг.

49

Барон (впоследствии граф) М. А. Корф, близко знавший государя, писал: «Император Николай чрезвычайно любил публичные маскарады и редко их пропускал — давались ли они в театре или в дворянском собрании. Государь и вообще мужчины, военные и статские, являлись тут в обычной своей одежде; но дамы все без изъятия были переряжены, т. е. в домино и в масках или полумасках, и каждая имела право взять государя под руку и ходить с ним по залам… Один из директоров Дворянского собрания сказывал мне, что на тамошние маскарады раздавалось до 80 даровых билетов актрисам, модисткам и другим подобных разрядов француженкам, именно с целью интриговать и занимать государя». // М. А. Корф Записки. М., 2003. С. 109.

Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М., 1997. С. 85.

Там же. С. 85.

Там же. С. 386.

53

ПСС., XIII. С. 72.

54

А. О. Россет была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, близким другом В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, считала Николая I своим благодетелем. См.: А. О. Смирнова — Россет. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 184–185.

ПСС., XVI. С. 170–171.

ПСС. XIII. С. 43.

«Черная речка». С. 135.

«Черная речка». С. 157.

59

«Черная речка». С. 159.

«Пуговица Пушкина». С. 159.

61

См. таблицу эмблем градусов древнего и принятого шотландского Устава в кн.: А. И. Серков. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.

62

ПВС-1998. 1. 422. Во второй черной книге были черновики «Арапа Петра Великого»; все три «масонские» тетради, подаренные Пушкину Н. С. Алексеевым, отставным майором, чиновником особых поручений при генерале И. Н. Инзове, член масонской ложи «Овидий», хранятся теперь в ИРЛИ.

Справедливости ради, стоит заметить, что буква «А» очень похожа и на вензель Александра I. С начала десятых годов до 1822 года в России существовало несколько лож, в названии которых присутствовало имя русского царя: «Александра Тройственного Спасения», «Александра Благотворительности к Коронованному Пеликану», «Александра к Военной Верности», но ничего похожего в их знаках на эту печатку нет.

64

Сын Виельгорского, Иосиф, ровесник наследника престола Александра Николаевича, с десяти лет воспитывался и жил вместе с наследником в Зимнем дворце, а в 1836 г. стал первым в свите наследника в чине подпоручика Павловского полка. Все лето Пушкины жили с Виельгорским на соседних дачах на Каменном острове. Император был близким другом семьи Виельгорских: на свадьбе дочери Виельгорского, Софьи, вышедшей в 1840 г. замуж за графа В. А. Соллогуба, он стал посажёным отцом. // См. подробней: Е. Э. Лямина, н. В. Самовер. Бедный Жозеф. Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 69.

А. Ахматова. Соч. в 2 т. 2. С. 95–96.

ПСС., XVI. С. 182.

Цит. по: С. Л. Абрамович. Предыстория… С. 110.

ПСС. XVI. С. 221–222. Перевод с французского языка: С. 407.

69

При обыкновенном переводе из гвардии в армию офицер имел преимущество в один чин. Лермонтов был корнет и переведен прапорщиком, т. е. с сохранением чина.

70

А. Дюма. Путевые впечатления. В России. Соч. в трех томах. Т. 2. С. 151.

71

Бенкендорф, кроме того, что был шефом жандармов и главой III-го отделения, был также и близким доверенным лицом Николая Павловича. Бытовала даже такая шутка, что царю можно жаловаться на любого, даже на самого царя, но упаси Бог пожаловаться на Бенкендорфа.

72

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. В двух томах. М., 1836. Т. 2. С. 358.

ПСС. XVI. С. 223–224.

В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С.161.

ПСС. XVI. С. 161–162.

Цит по кн.: Цит. по кн.: А. С. Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. С. 325.

ПСС. XVI. С. 162–163.

И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 66–67.

79

«Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика. 18 января 1837. С. Петербург». // П. и его совр. IX–X. СПб, 1910. С. 75–76. Пушкин упоминает Дирина в своем дневнике под 2 апреля 1834 г.

Кюхельбекер. С. 516.

81

Там же. С. 764.

82

2-ая Езд., 3, 10–12.

83

2-ая Езд., 4, 37–40. Следует заметить, что с конца XIX века в каноническом Синодальном издании Вторую книгу Ездры перестали печатать: слишком опасна.